ДНЕВНЫЯ ЗАПИСКИ

путешествія

ДОКТОРА И АКАДЕМІИ НАУКЪ АДЪЮНКТА

ИВАНА ЛЕПЕХИНА

Материалы по этнографии башкир

Серия «В помощь историку»

Академия наук Республики Башкортостан
Российская академия наук
Уфимский научный центр
Институт истории, языка и литературы
ООО «Деловая династия»

И.И. Лепехин

Серия «В помощь историку»

Уфа
2007

УДК 39 (=943.43) (00)
ББК 63.5 (2 Рос. Баш)
Л 48

Л 48 **Лепехин И.И.** Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства. Серия «В помощь историку» /сост. и авт. вступ. статьи к.и.н. Э.В. Мигранова. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2007. – 72 с.

Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН и ООО «Деловая династия» начинают выпуск серии книг и брошюр «В помощь историку», в которых будут представлены архивные материалы, а также издания исторического и этнографического содержания, ставшие к настоящему времени библиографической редкостью.

Серия открывается публикацией выборки материалов по этнографии башкирского народа, содержащихся в работе «Дневные записки путешествия доктора и академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства». Предназначается для историков, краеведов и всех интересующихся историей и культурой башкирского народа.

УДК 39 (=943.43) (00)
ББК 63.5 (2 Рос. Баш)

© Составление: Э.В. Мигранова, 2007
© Оформление: ООО «Деловая династия», 2007

Иван Иванович Лепехин (1740–1802) академик, член и непременный секретарь Императорской Российской Академии наук, доктор медицины, кавалер орденов св. Анны 2 класса и св. Владимира 4 степени, член Санкт-Петербургского Вольного Экономического Общества; почетный член Государственной медицинской коллегии, Берлинского Общества испытателей природы и Гессен-Гамбургского Патриотического Общества.

В 1768–1772 гг. И.И. Лепехин возглавлял одну из трех Академических экспедиций по исследованию Оренбургской губернии. Две другие в период с 1768 по 1774 гг. состоялись под руководством П.С. Палласа и И.-П. Фалька.

Несмотря на то, что экспедиция, в которую был назначен академик И.И. Лепехин, называлась Оренбургской, его путешествие охватило значительную территорию Российского государства (см. карту на с. 66). В 1768 г. экспедиция, отправившись из Санкт-Петербурга через Москву, добралась до Симбирска; по пути, в селе Спасском, Лепехин посетил известного исследователя Оренбургского края П.И. Рычкова. В 1769 г. И.И. Лепехин продолжил путешествие вниз по Волге, побывал в Самаре, Сызрани, Саратове, Царицыне, Яицком городке, Гурьеве, Оренбурге и остановился на зимовку в Табынске.

В 1770 г. И.И. Лепехин исследовал центральные районы Оренбургской губернии, продвигаясь по правому берегу реки Белой, и, перейдя через Уральские утесы, добрался до источников рек Яика, Миасса, Ая и Уфы. Его экспедиция посетила более тридцати заводов и рудников, останавливалась во многих башкирских деревнях и кочевках.

Покинув земли башкир, ученый работал в Екатеринбурге, Тюмени и во многих других местах. В 1771 г. он отправился в Архангельск, где возглавил Северную экспедицию Академии наук, успешно проведя которую, в конце 1772 г. вернулся в г. Санкт-Петербург. В 1773 г. ученый отправился в научную экспедицию по территории современной Белоруссии.

В поездках ему помогали студенты Н.Я. Озерецковский, гимназисты Т.С. Мальгин и А. Лебедев, рисовальщик М. Шелауров и чучельщик-набивальщик Ф. Федотьев.

Труд И.И. Лепехина содержит ценные сведения о природе (растениях, животных, горах, пещерах, реках и т.д.), населенных пунктах Российской империи, а также бытовой культуре различных народов.

Материалы экспедиции были опубликованы в нескольких томах работы «Дневные записки путешествия академика и медицины доктора Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства». Первые три части увидели свет в 1771-1780 гг. и были переизданы в 1795-1814 гг. Четвертая часть вышла в 1805 г.

В XIX в. Академия наук полностью переиздала все части «Дневных записок» И.И. Лепехина, включив их в многотомное издание «Полное собрание ученых путешествий» (т. III. - СПб., 1821; т. IV. - СПб., 1822; т. V. - СПб., 1892). В целом список печатных и рукописных трудов и переводов И.И. Лепехина содержит более 60 названий.

Предлагаемая вниманию читателей книга содержит выдержки из «Дневных записок» И.И. Лепехина с данными по этнографии башкир. Основная часть этих материалов содержится во II томе работы, вышедшей в 1802 г.; некоторая информация имеется в I томе, датированном 1795 г.

Все материалы представлены в авторской редакции, с сохранением орфографии и стиля XVIII века; в скобках указаны номера страниц работы-оригинала, что позволит читателю при необходимости правильно оформить ссылки на сочинение И.И. Лепехина.

При подготовке вступительной статьи использованы материалы, содержащиеся в работах: Фрадкин Н.Г. Академик И.И. Лепехин и его путешествия по России в 1768-1773 гг. - М., 1953; Лукина Т.А. Иван Иванович Лепехин. - М.-Л., 1965; Сидоров В.В. Исследователи края Башкирского. Век XVIII. - Уфа, 1997; Сидоров В.В. Познание Земли Башкирской. Кн.1. Век XVIII. - Уфа, 2006.

ДНЕВНЫЯ ЗАПИСКИ

ПУТЕШЕСТВІЯ

ДОКТОРА И АКАДЕМІИ НАУКЪ АДЪЮНКТА

ИВАНА ЛЕПЕХИНА

ПО

РАЗНЫМЪ ПРОВИНЦІЯМЪ

РОССІЙСКАГО ГОСУДАРСТВА,

1768 И 1769 ГОДУ.

Часть I.

Вторымъ тисненіемъ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

при Императорской Академіи Наукъ,

1795 ГОДУ.

(С. 192) ...8 числа г. статскїй Совѣтникъ приуготовилъ намъ любопытное зрѣлище. Призвавъ одного Башкирца, приказалъ ему показать способъ, какъ они лазятъ въ свои борти и сохраняютъ соты отъ лакомыхъ до меду медвѣдей: ибо Башкирцы, живучи въ лѣсистыхъ мѣстахъ, дѣлаютъ свои ульи на высокихъ соснахъ, и только временной имѣютъ присмотръ, то есть, съ весны и съ осени. Лазятъ они на дерево, имѣя изъ тонкихъ ремней сплетенной шириною въ три пальца и нарочито упругой канатъ *кирямъ.* Въ деревѣ дѣлаютъ небольшїя зарубки, *киртыкъ,* такъ чтобы (С. 193) ножные пальцы могли въ оныя вмѣститься. Когда хотятъ лѣзть на дерево, тогда оное обнявъ кирямомъ скрѣпляютъ концы въ петлю, и положивъ его чрезъ лѣвое плечо и поясницу, упираются ногами въ дерево и вѣшаются на канатъ навзничь. Потомъ руками взбрасывая канатъ къ верху, и лежа на ономъ, удобно могутъ лѣзть къ верху и въ низъ спускаться. Для предостереганїя меду отъ медвѣдей нарочито смѣшные выдуманы способы. Надъ закрышкою улья прикрѣпляютъ веревку, на которую навѣшиваютъ чурбанъ, *талыкъ,* такъ чтобы онъ висѣлъ по самому тому мѣсту, гдѣ медвѣдю къ улью лѣзть надобно. Чурбанъ препятствуя въ предпрїятїи медвѣдю, досаждаетъ ему; по чему онъ, стараяся его отвесть съ дороги, толкаетъ въ сторону. Чурбанъ, приведенный въ движенїе, бьетъ медвѣдя или въ бокъ, или въ голову; отъ чего медвѣдь разсердясь, сильняе бьетъ лапою въ чурбанъ, и далѣе его отталкивая, сильнѣйшїй получаетъ ударъ. Сїе позорище продолжаетъ онъ до тѣхъ поръ, пока или выбившись изъ силы, или отъ сильнаго чурбаннаго удара низвергается.

Другой способъ состоитъ въ томъ. На сукѣ дерева, котораго вершину можно довесть до отверстїя улья, привязываютъ на веревкахъ четвероугольную зыбку, и приведши съ нею сукъ къ затворкѣ улья, прикрѣпляютъ оной тонинькою веревкою. Медвѣдь лѣзя на дерево (С. 194) неотмѣнно принужденъ бываетъ садиться на люльку, чтобы добраться до улья: но какъ и въ семъ

случаѣ веревочка, которою сукъ прикрѣпленъ съ люлькою, совершить его намѣренїе препятствуетъ, то онъ перерываетъ оную. Сукъ, освобожденный отъ притягающей силы, сродною себѣ упругостїю разпространяется, и люльку съ медвѣдемъ отъ дерева относитъ. И такъ медвѣдь принужденъ бываетъ на ней качаться до техъ поръ, пока хозяинъ улья не придетъ и не убьетъ его: ибо взобраться на дерево разстоянїе, а на землю скочить отчасти высота и отчасти острые вколоченные около дерева колья воспящаютъ (Рис. 1). При семъ случаѣ разговаривая съ Башкирцомъ о разныхъ вещахъ, разспрашивали у его о употребленїи кропивы, о которой извѣстно, что Башкирцы употребляютъ ее на дѣланїе холста. Кропиву мы, отвѣчалъ Башкирецъ, употребляемъ двоякую: обыкновенную, какая здѣсь растетъ, а другую, у которой листъ лапками[a]. Послѣдняя гораздо лучшую даетъ новину передъ первою. Той и другой великое множество ростетъ по влажнымъ мѣстамъ, и бываетъ человеку въ грудь. Когда кропива созрѣетъ, тогда они ее вытеребливаютъ, держа одною рукою за стебли и бьючи ногою подъ корень. Набравши довольное число, (С. 195) ломаютъ стебли и кожу сдираютъ такъ, какъ съ липы дерутъ лыки. Высушивъ мнутъ содраную кожу на мялахъ и употребляютъ для дѣла. Оставя Башкирца, пошли на поле для обыкновенныхъ нашихъ упражненїй. Тучныя пажити, гордящїяся своими прозябаемыми, возбуждали въ насъ сожалѣнїе о прошедшемъ времени, которое мы на осмотръ другихъ мѣстъ употребили; и мы приѣхали на нихъ, какъ говорятъ, спустя лѣто въ лѣсъ по малину. Между увядшими и утреннимъ хладомъ изможденными растѣнїями не трудно было еще познать Сарану[b] и Запью траву[c], которыхъ коренья Башкирцы употребляютъ на пищу, такъ какъ мы употребляемъ печоную рѣпу: но послѣдней шишки даютъ и нѣкоторой родъ муки, употребляемой ими на салму...

---

[a] Urtica Cannabina
[b] Lilium Martagon
[c] Pholmis tuberosa

(С. 528) ...Отъ рѣки Янгуза въ 10 верстахъ переѣхавъ чрезъ рѣку Салмышь, по утру прибыли въ Башкирскую деревню Емангулову. Въ сей деревнѣ въ первой разъ случилося мнѣ видѣть Башкирское зимнее жительство; ибо они лѣтомъ, какъ Калмыки, кочуютъ въ степи и живутъ въ кибиткахъ для лучшей паствы своему скоту; а осенью собираются въ зимовье. Избы у нихъ построены такъ какъ у Татаръ съ марами: однако такой чистоты въ домахъ какая у Татаръ примѣчается, у нихъ не видно. Вмѣсто печи сдѣланъ у нихъ каминъ, на подобїе полуцилиндра, а труба составлена изъ жердей, обмазанныхъ въ нутри глиною. Отъ сего камина, который на ихъ языкѣ Чувалъ называется, имѣютъ свою теплоту. Но чтобы лучше теплота держалася, то, когда прогорятъ дрова, затыкаютъ изъ избы отверстїе (С. 529) камина рогожнымъ мячикомъ, приперши двумя колышками. Кромѣ сего камина, есть еще у нихъ небольшой очажокъ, въ которомъ вдѣланъ котелъ. На семъ очажкѣ варятъ они свою Салму и крутъ. Противъ камина у маръ ставится у нихъ всегда самое лучшее ихъ сокровище Ейрянъ. Ейрянъ сей держатъ они въ шестигранномъ турсукѣ или мѣшкѣ, сдѣланномъ изъ копченой коровьей или коневьей кожи, и въ верьху сведенномъ на подобїе голенища. Оный мѣшокъ нарочито пространенъ и можетъ вмѣстить около 10 ведръ. Но чтобы онъ не сжимался, то сдѣлано ему деревянное подножье, къ которому дно мѣшка прибито гвоздями, а рукавъ его или верхнее отверстїе прицѣплено на веревочкахъ къ потолку. Сей мѣшокъ каждое утро и каждой вечеръ наполняютъ свѣжимъ надоенымъ молокомъ, и наливъ оное болтаютъ чрезъ нѣсколько минутъ съ простоквашею, которая всегда въ турсукѣ находится, дабы свѣжее молоко съ старымъ смѣшавшись закисло...

ПРОДОЛЖЕНІЕ

ДНЕВНЫХЪ ЗАПИСОКЪ

ПУТЕШЕСТВІЯ

АКАДЕМИКА И МЕДИЦИНЫ ДОКТОРА

ИВАНА ЛЕПЕХИНА

ПО

РАЗНЫМЪ ПРОВИНЦІЯМЪ

РОССІЙСКАГО ГОСУДАРСТВА

ВЪ 1770 ГОДУ.

Вторымъ тисненіемъ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

при Императорской Академіи Наукъ

1802 года.

(С. 1) Пригородокъ Табынскъ, служившій намъ зимовьемъ, построенъ на Нагайской дорогѣ въ Башкирской Кситабынской волостѣ, на нагорномъ или на правомъ берегу рѣки Бѣлой, въ

самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣчка Усолка соединяется съ рѣкою Бѣлою. Отъ города Уфы почитается до него съ девяносто верстъ, а отъ Оренбурга съ двѣсти пятьдесятъ. Первымъ началомъ къ заведенїю сего пригородка служили соленые ключи, въ 12 верстахъ отъ нынѣшняго Табынскаго поселенїя отстоящїе. Балахонской купецъ Иванъ Утятниковъ, первый завелъ свой варницы на помянутомъ мѣстѣ, о которыхъ подъ именемъ Соловарнаго городка упоминается. Да и въ самомъ дѣлѣ оно укрѣплено было оплотомъ, который много способствовалъ помянутому Утятникову какъ къ защищенїю себя, такъ и бывшихъ при немъ людей, противу набѣговъ и силы взбунтовавшихся въ 1735 году Башкирцовъ. Но какъ (С. 2) сїе мѣсто не весьма было надежно къ отпору противъ превосходной Башкирцовъ силы; то онъ Утятниковъ завелъ другой городокъ при подошвѣ горы, Вознесенская называемой, въ пяти верстахъ отъ Табынска. Мѣсто сїе укрѣплено было землянымъ валомъ съ полисадомъ; и въ семъ то укрѣпленїи Утятниковъ, отсиживаясь отъ Башкирцовъ, не худую вымыслилъ хитрость: что къ прекращенїю бунта много способствовало. Онъ написалъ мирные договоры съ Башкирцами, притворяяся на то имѣть соизволенїе отъ Россїйскаго Двора; и по заключенїи притворнаго миру, зазвалъ къ себѣ на пиршество всѣхъ лучшихъ окольныхъ Башкирцовъ, между коими и главнѣйшїй бунтовщикъ Киль-Мякъ Абызъ находился, и упоивъ ихъ, иныхъ побилъ, иныхъ перевязавъ отослалъ въ Башкирскую коммисїю.

Нынѣшнїй же пригородокъ Табынскъ стоитъ близъ самаго берегу рѣки Усолки, разстоянїемъ около полуверсты отъ рѣки Бѣлой на ровномъ мѣстѣ; укрѣпленъ отвсюду оплотомъ съ тремя башнями. Жителей онаго составляютъ сто человѣкъ служивыхъ козаковъ и нѣсколько отставныхъ. Служившїе военные люди въ полевыхъ полкахъ такъ же имѣютъ свободу селиться жительствомъ въ Табынскѣ которыхъ въ мою бытность до сорока человѣкъ считалося. Купечества только тридцать человѣкъ, да и

то не очень заживны: кормятся хлѣбопашествомъ, и по сосѣдству с Башкирцами промышляютъ медомъ, (С. 3) воскомъ и скотомъ, такъ же мѣлочными товарами.

Хотя пригородокъ сей малолюденъ и худо выстроенъ; однако столь привольныя и пріятныя имѣетъ мѣста, что и обширному городу тутъ стоять было бы не постыдно. Пространная долина, на которой заведена Табынская селидьба, предлагаетъ Табынцамъ урожайную пашню. Луговой берегъ рѣки Бѣлой и Усолки состоитъ изъ тучныхъ луговъ, привольныхъ для всякаго скотоводства. Окружающія ровнину отдаленныя горы, покрытыя лѣсами, кромѣ пріятнаго виду служатъ и защитою отъ наглости бурановъ, даютъ годной на строеніе и на другія потребности лѣсъ. Двѣ рѣки мимо городка текущія, напаяющія жителей предлагаютъ пріятное и прибыльное въ рыболовствѣ упражненіе: ибо рѣка Бѣлая соединяяся устьемъ своимъ съ рѣкою Камою, приманиваетъ различные роды рыбъ, какъ то сомовъ, жереговъ, чехоню, подустовъ; по песчанымъ мѣстамъ довольно пискарей[a], ершей[b]; изъ рѣдка попадаются осетры и стерляди, такъ же и лососи: ибо они болѣе проходятъ въ рѣку Уфу, впадающую въ Бѣлую подъ самымъ городомъ Уфою. Зимою самая лучшая рыбная ловля Табынскихъ козаковъ бываетъ по озерамъ, изъ которыхъ два принадлежатъ к Табынску, и находятся въ семи верстахъ на луговой сторонѣ рѣки Бѣлой. Первое изъ (С. 4) нихъ называется Акъ-Куль или Бѣлое озеро, которое весьма глубоко и рыбно, и изобилуетъ лещами, щукою, чебаками и карасями, да и обширностію своею знаменито: въ длину онаго восемь верстъ почитается, а поперегъ мѣстами на версту и болѣе. Другое озеро, разстояніемъ отъ перваго въ полуверстѣ, подъ именемъ Какуля извѣстно, и въ окружности своей не съ большимъ на версту занимаетъ пространства. Сказываютъ, что оба сіи озера подземное другъ съ другомъ имѣютъ сообщеніе.

---

[a] Cyprinus gobio

[b] Perca cernua

Хотя Табынскъ отвсюду окруженъ лѣсистыми горами, служащими убѣжищемъ разнымъ хищнымъ звѣрямъ; однако изъ Табынскихъ жителей мало къ тому охочихъ. Сїе упражненїе остается около живущимъ Башкирцамъ, которые, какъ и всѣ другие степные народы, къ звѣроловству весьма склонны. Они на такой предметъ никакихъ хитростей не употребляютъ, но единственно полагаются на свое проворство и искуство въ пусканїи стрѣлъ. Какъ скоро наступитъ зима, или просто говоря, выпадетъ первая пороша; то молодые Башкирцы оставляютъ свои домы и отъѣзжаютъ въ лѣса далеко въ своихъ дачахъ. Они раздѣляются на разныя артели, и семействомъ ходятъ за мѣлкими звѣрьками, какъ то, бѣлками и летягами[a]. Но естьли попадется имъ большой звѣрь, какъ на примѣръ олень, лось, которые въ горахъ не рѣдки; (С. 5) то собираются большими артелями и гоняютъ иногда цѣлую недѣлю за однимъ оленемъ; а убивъ дѣлятъ, и то на ровныя части, такъ что не рѣдко по небольшому куску мяса достается. Хотя такая добыча кажется быть маловажною, а для нѣкоторыхъ, можетъ быть, и смѣшною; ибо часто случается, что долго гоняяся за звѣремъ заганиваютъ своихъ лошадей: однако тотъ пусть ихъ себѣ представитъ на подобїе знатныхъ богачей, которые для одного зайца не мало денегъ, да можетъ быть и здоровья теряютъ. Самоважнѣйшая охота или звѣроловство у Башкирцовъ отправляется въ Киргизской степѣ, куда они большими артелями съ позволенїемъ Оренбургскаго губернскаго правленїя ѣздятъ: и тогда не рѣдко между другою рухлядью пригоняютъ съ собою табуны объѣзжаныхъ торпановъ. Но мы сїе оставя возвратимся къ нашему Табынску.

Въ лѣсахъ около Табынска и слѣдовательно вообще въ Уралѣ, изъ звѣрей много водится зайцовъ, русаковъ, медвѣдей, волковъ, лисицъ: изъ рѣдка на Окольныхъ степяхъ попадаются хорьки, горностаи, ласки; а по горамъ много водится

---

[a] Sciurus volans

карабышей, обыкновенныхъ и черныхъ. Сказываютъ, что и совсемъ бѣлые попадаются; однако мнѣ самому бѣлыхъ видѣть не случилося: напротивъ того пѣгихъ имѣлъ я двоихъ, въ которыхъ бѣлая шерсть перемѣнялася съ черною безъ всякаго порядка: рыло, лапки и конецъ хвоста, (С. 6) брюхо, шея и переднїя лопатки, такъ же и крестецъ были бѣлою покрыты шерстью, а прочїя части черною. Другой былъ болѣе испещренъ крапинками и близко подходилъ къ бѣлому.

По рѣкамъ выпадающимъ изъ Урала случаются и бобры, но весьма рѣдко. На высочайшихъ горахъ не рѣдки олени: водятся такъ же и лоси по лѣсамъ. Изъ птицъ, кромѣ пролѣтной птицы, какъ то гусей, лебедей, журавлей и разныхъ родовъ утокъ, дикихъ петушковъ и куликовъ, наиболѣе водятся разные роды орловъ, соколовъ и ястребовъ, филиновъ, между коими и бѣлые не рѣдки; тетеревы глухїе и куропатки, свирестели, поддорожники, вьюрки, разные роды синицъ, всѣ роды Европейскихъ дятловъ, поползни, сойки или ронжи[a], кукши[b], кедровки[c], вертошейки[d] и прочїя повсюду обыкновенныя птицы.

Окружающїя горы пригородокъ Табынскъ, какъ отроги Урала изобилуютъ разными изящными растѣнїями, и состоятъ по большей части изъ простыхъ камней. За самолучшїя почесть можно гипсовые, которыми всѣ горы наполнены. По мягкости сего камня, и по горнымъ весеннимъ водамъ разныя около Табынска находятся пещеры...

(С. 19) ...Соленые источники, въ двенадцати верстахъ отъ Табынска находящїеся..., достойны такъ же вниманїя. Прїятная долина, окруженная высокими горъ хребтами съ возточной и западной стороны, сими изобилуетъ ключами. По срединѣ ея протекаетъ немалая рѣчка Усолкою называемая, которая

---

[a] Corvus infaustus

[b] Corvus glandarius

[c] Corvus Caryocatactes

[d] Jynx Torquilla

верстахъ въ 30 изъ горъ, а не отъ соленыхъ ключей, какъ нѣкоторые пишутъ начало свое имѣетъ. Близь ключей съ Усолкою съ полуденной стороны соединяется небольшій протокъ Ермашка называемый. Самыежъ соленые источники по большой части вытекаютъ изъ западнаго хребта. Нынѣ ихъ тутъ до тридцати считать можно; а прежде сего было только три, но гораздо болѣе: ибо не знаю какой то умнякъ, почитая себѣ сосѣдство сихъ ключей опаснымъ, старался ихъ загатить всевозможнымъ образомъ: но изъ сего его предпріятія вышло то, что изъ трехъ родниковъ сдѣлались многіе. Сіи соленые родники нѣкогда съ пользою употребляемы были... Но послѣ Утятникова никто болѣе за нихъ не принимался и оставлены въ совершенномъ небреженіи. Одни Башкирскіе табуны ими (С. 20) довольствуются, которые такъ до соленой воды лакомы, что иногда цѣлыя сутки бѣгутъ, дабы насытиться симъ для ихъ нектаромъ....

(С. 23) ...Съ Усольскаго завода лежалъ намъ путь по нагорному берегу рѣки Бѣлой. Вешняя вода, которая еще и тогда нарочито въ рѣкахъ играла, дѣлала нашъ путь затруднительнымъ; и мы въ сей день не болѣе въ передъ могли подвинуться, (С. 24) какъ только 16 верстъ до Башкирской деревни Кутлугузина. На всѣхъ сихъ 16 верстахъ стоитъ только небольшая Башкирская деревушка, Инзелга прозываемая по небольшой мимо текущей рѣчкѣ Инзелгѣ, впадающей въ Бѣлую, которую мы удобно могли переѣхать бродомъ.

По приѣздѣ нашемъ въ деревню Кутлугузина, нашли мы Башкирцовъ въ большихъ суетахъ; и какъ мы спрашивали тому причину, то они сказали намъ, что завтрешній день готовятся къ празднеству Сабанъ-Тюй, или Сабанной праздникъ называемому. Хотя Башкирцы еще по сіе время очень худые и лѣнивые хлѣбопашцы; однако по сосѣдству съ Рускими и съ ясашныхъ Татаръ селеніями начнаютъ вникать въ хлѣбопашество; и всякой старается по крайней мѣрѣ столько посѣять хлѣба,

сколько для домашняго обихода потребно. Они наиболѣе сѣютъ ячмень и овесъ; а озимовой хлѣбъ для нихъ за ненужной почитается. Для посѣву коноплей они такъ же нарочито прилѣжны: ибо искуство ихъ научило, что конопляный холстъ добротою своею много превозходитъ крапивной, какой ихъ предки употребляли. Попечительствующее Оренбургское правленїе о благосостоянїи своей губернїи разными поощренїями до того довело Башкирцовъ, что они годъ отъ году рачительнѣе становятся къ пашнѣ, и можетъ быть со временемъ столь же полезны быть могутъ обществу своимъ (С. 25) хлѣбопашествомъ, какъ напримѣръ Мещеряки и другїе Татара; естьли только мало по малу будутъ стараться отъучивать ихъ отъ кочевой жизни. Хотя Башкирцы столько же сосѣдственны съ Рускими около Табынска; однако болѣе склонности имѣютъ перенимать обряды у своихъ единоземцовъ, нежели у другихъ, примѣромъ Сабаннаго праздника.

Сабанное празднество прозвано отъ хлѣбопашеннаго орудия Сабана, по тому, что оно торжествуется предъ начинанїемъ пашни. Торжество сїе смѣшано съ свѣтскими и духовными обрядами, и произходитъ слѣдующимъ образомъ.

По вечеру сбираются изъ всей деревни молодые ребята на отборныхъ верьховыхъ лошадяхъ, и проѣхавъ всю деревню изъ конца въ конецъ, изъ околицы возвращаются, и предъ каждымъ домомъ дѣлаютъ великой крикъ и стукъ до тѣхъ поръ, пока хозяинъ дому такую отборную артель чѣмъ ни будь не наградитъ. По большой части надѣляютъ ихъ куриными яицами. Собравъ подворную пошлину молодюжь разъѣзжается по своимъ дворамъ, и по утру до солнечнаго всходу вся ихъ артель выѣзжаетъ на поле, и назначивъ не малое разстоянїе пускаются скакать во всю прыть. При въѣздѣ въ деревню стоятъ обоего пола зрители; а въ извѣстномъ разстоянїи отъ зрителей или молодой дѣтина, или дѣвка держитъ на шестѣ привязанной (С. 26) бѣлой платъ, вышитой по угламъ разноцвѣтнымъ шелкомъ который

достается въ награжденіе тому, кто всѣхъ на своей лошадѣ перегонитъ и первый платокъ сорветъ съ древка. Хотя платокъ всегда бываетъ малоцѣнный; однако побѣда почитается за велико, и приписываются немалыя похвалы побѣдителю отъ зрителей общимъ восклицаніемъ. Естьли же случится двоимъ прискакать вмѣстѣ къ назначенному мѣсту, и схватиться за платъ; то должны они совершенное плата присвоеніе заслужить борьбою. Борьба у нихъ бываетъ отмѣннымъ образом: они не берутъ другъ друга за воротъ какъ Рускіе борцы, но за кушаки, и употребляютъ обыкновенныя при борьбахъ ухватки. Хотя платъ и не дорогой; однако не всякъ охотно пожелаетъ и дешевую вещь подарить другому: то у них узаконено, чтобы на Сабанномъ рыцарствѣ награжденіе сдѣлано было руками той женщины, которая въ деревнѣ моложе всѣхъ за мужемъ. По окончаніи рыцарства всѣ деревенскіе жители сходятся въ мечеть на молитву, и просятъ Бога о урожаѣ хлѣба: послѣ чего общее бываетъ въ деревнѣ пиршество; а у молодыхъ разныя забавы, какъ то борьба, катаніе яицами, качели и караводы; а отпраздновавъ принимаются за пашню.

Побывъ нѣсколько времени зрителями Сабаннаго торжества, отправилися мы въ нашъ путь, и чрезъ шесть верстъ мѣлкимъ частникомъ и косогорами съ великимъ трудомъ пробиралися до (С. 27) ясашной деревни Ялейсканъ. Сколь труденъ намъ былъ путь до помянутой деревни, столь трудна была и переправа чрезъ рѣку, Зиганъ называемую, которая весьма быстра, и въ тогдашнее время нарочито была глубока. Не смотря на то, что жители всегда имѣютъ сообщеніе съ окольными деревнями; однако столь нерадивы, что не только мосту, да и перевознаго плота не имѣютъ: но ѣзжалыхъ лошадей, естьли имъ куда ѣхать понадобится, переправляютъ вплавь. Я думаю, что Татаринъ весною лучше согласится двухъ утопить лошадей, нежели сдѣлать общими силами перевозъ, и для насъ сколько досадно, столько и смѣшно было, смотрѣть на

сихъ лѣнтяевъ, когда они принуждены были дѣлать перевозъ. Всякій искалъ, гдѣ бы спрятаться, дабы избавиться ему отъ помогательства въ дѣланіи плота; хотя онъ послѣ безъ сумнѣнія для всѣхъ ихъ былъ пригоденъ.

Переправясь чрезъ рѣку, къ вечеру пріѣхали мы въ Башкирскую деревню Ишаеву, въ осьмнатцати верстахъ отъ Ялейскана находящуюся, которыя жителей напаяетъ мимотекущая рѣчка Селяукъ, впадающая въ рѣку Белую. При деревнѣ сей находится та чудная гора, которая въ Оренбургской топографіи подъ именемъ Акъ-Тау, (Бѣлая гора) описана. Но жители ея называютъ Журякъ Ташъ (гора Сердце): ибо она стоитъ на ровномъ мѣстѣ, кругла и къ верьху (С. 28) островата. Хотя мы на сію гору имѣли проводниковъ изъ деревни Ишаевой; однако ни одного изъ описанныхъ ея чудесъ не видали: да и жители ничего такого сообщить намъ не могли. Одинъ престарѣлый Башкирецъ сказывалъ, что при его памяти на горѣ сей бывалъ ключь чистой воды; но и тотъ пресѣкся уже за многіе годы. Гора сія перпендикулярной высоты имѣетъ на глазомѣръ до семидесяти саженъ; однако входъ на нее не совсемъ трудный, и Башкирскій скотъ въ весеннее время на ней пасется. Къ рѣкѣ Бѣлой гора весьма утѣсиста и имѣетъ навислые камни, которые мѣстами представляютъ какъ бы нѣкое порядочное строеніе. При подошвѣ сея горы находится обширное и глубокое озеро, которое небольшимъ перешейкомъ отъ рѣки Бѣлой отдѣляется. Озеро сіе называютъ Еманъ-Куль (Злое озеро). Мы думали въ семъ озерѣ искать упомянутыхъ диковинокъ, но тщетно: ибо названіе его произходитъ не отъ ядовитости рыбъ въ немъ живущихъ, но отъ многаго на днѣ каршовника который ловленію рыбы препятствуетъ.

Озеро сіе служитъ разделеніемъ Журякъ-Тау съ другою горою Кошъ Тау (гора Стана) называемою: ибо въ прежнія времена мѣсто сіе первымъ съ весны станомъ или кошевьемъ

служило обитавшему Кубанскому Хану[a].

А кто (С. 29) были сїи Кубанцы, и въ какое время, о томъ Башкирцы сказать не могутъ: но все сїе знаютъ только изъ одного преданїя. Гора сїя вышиною прежней не уступаетъ, но только гораздо продолговатѣе и состоитъ, какъ и прежняя, изъ дикаго камня. Третья гора около версты отстоитъ отъ Кошъ Тау, и называется Шишакъ Тау. Вышиною она прежнимъ не уступаетъ. При подошвѣ ея находится обширное озеро Казять называемое.

На лѣвомъ или такъ называемомъ луговомъ берегу рѣки Бѣлой за четыре года поселена Татарская деревня Баганяшъ, на рѣчкѣ Месели, впадающей въ рѣку Кучанякъ, которая свои воды изливаетъ въ рѣку Бѣлую. Деревня сїя тѣмъ примѣчанїя достойна, что при ней находятся сѣрные ключи. Обширная площадь передъ деревнею составляетъ вязкую болотину, на которой въ 40 шагахъ отъ рѣчки Месели видна котловина глубиною въ четыре сажени, а обширностїю въ шесть саженъ. Со дна сея котловины бьютъ четыре ключа, и вода стекаетъ особливымъ ручьемъ въ рѣчку Месели. Какъ по краямъ котловины, такъ и въ ручьѣ на лежащїя галки садится сѣрный илъ, но не такъ изобиленъ, какъ въ Соковскихъ сѣрныхъ ключахъ примѣчено. Отъ сей котловины саженяхъ во стѣ на ровномъ мѣстѣ просиваютъ изъ подъ земли четыре маленькїе ключика, которые такъ же сѣрной илъ въ себѣ содержутъ. По симъ (С. 30) ключикамъ лежали каменные сѣрные сростки, Тофами прозываемые; изъ чего заключать можно, что сѣрныя частицы вымываетъ водою изъ отдаленнаго мѣста, и что сѣрной маткѣ въ болотинѣ быть не можно. Съ полуденной и съ западной стороны болотину окружаютъ высокїе увалы состоящїе изъ ѝзвестнаго камня: по чему не неосновательно можно думать, что сѣрная матерїя въ сихъ увалахъ находится. Хотя сѣрные ключи при Баганяшѣ не такъ изобильны сѣрою, какъ Соковскїе; однако въ

---

[a] Можетъ быть они разумѣютъ того Нагайскаго Хана, о которомъ въ части 1. Оренбургской топографии на стр. 85 упоминается.

крестьянскомъ домостроительствѣ столь же вредны, какъ и оные: ибо Татара, живущїе въ Баганяшѣ, тщетно стараются завести пчельные ульи.

Въ 50 верстахъ отъ Табынска на рѣчкѣ Стерлѣ, впадающей вь Бѣлую, въ 1767 году по имянному Всевысочайшему повелѣнїю Синбирской купецъ, а нынѣ коллежскїй совѣтникъ Тетюшевъ, построилъ пристань, съ которой по рѣкѣ Бѣлой весною отпускаются суда съ Илецкою солью, которая до сего мѣста изъ Илеку ставится гужемъ: на какой конецъ многїя волости Тептярскїя приписаны. Тутъ кромѣ солянаго отпуску дѣлаются и коломенки, а годной на строенїе лѣсъ пригоняютъ водою верстъ за три ста изъ Уралу. Кромѣ многаго строенїя, на семъ мѣстѣ построена изрядная лѣсопильная мѣльница. Отъ оной до рѣки Бѣлой только пять верстъ считается.

(С. 31) Въ одиннадцати верстахъ отъ Стерлитаманской пристани, по нагорному берегу рѣки Бѣлой видна послѣдняя изъ высочайшихъ горъ близъ Оренбургской дороги въ Уфу, Тура Тау (Городковая гора) прозываемая. Вышина ея смотря по небольшой отлогости, по которой на гору взойти можно, саженъ ста съ два составитъ. Башкирцы къ горѣ сей имѣютъ особливое почтенїе, и почитаютъ ее за освященное мѣсто. Въ старину, по ихъ сказкамъ, жительствовалъ на ней Нагайскїй Ханъ со своимъ семействомъ; а послѣ служила она прибѣжищемъ богобоязливымъ и уединеннымъ Мусульманамъ, которыхъ они угодниками называютъ. Въ семъ увѣрялъ насъ Башкирецъ Исмакъ, который не послѣднимъ чтецомъ и знатокомъ Башкирскихъ преданїй почитается. Верстѣ въ полуторѣ отъ сей горы находится низменный, однако обширный курганъ, называемый Кызляръ Тау или Дѣвичїй курганъ. На ономъ курганѣ, по объявленїю Башкирскому, Нагайскїй Ханъ имѣлъ публичныя увеселенїя и пиршества. За свято почитаемая Башкирцами Тура Тау принудила насъ быть роскошными и возбуждать Башкирскую неустрашимость виномъ: ибо никто изъ нихъ на сїю гору съ нами

итти не хотѣлъ, отговариваяся разными обѣтами, которыми они горѣ должны, и которые еще не исполнены: ибо безъ исполненія обѣтовъ взлазить на гору никто не можетъ; развѣ кто похочетъ (С. 32) самъ себѣ быть злодѣемъ. Сожалѣя о Башкирскомъ заблужденіи, а паче думая, что они отговариваются только для труднаго на гору всходу, старался я имъ показать, что отъ горы ничего воспослѣдовать не можетъ, и что она никакого обѣту не заслуживаетъ. Но Башкирцы, будучи отъ природы честолюбивы, а особливо тѣ, которые за знатоковъ между ими почитаются, не очень весело слушали наши доводы, и наконецъ говорили, что не упоминая о книгѣ Чингызъ, въ которой много о сей горѣ писано, два домашніе примѣра сказать довольно. Одинъ Татаринъ, презирая сіе освященное мѣсто, и въ возмездіе Башкирскому заблужденію на горѣ напакостилъ; но сія попытка даромъ ему не прошла: ибо весь его родъ въ короткое время вымеръ. Моръ начался съ его сына, который умирая видѣлъ разныхъ хищныхъ звѣрей сходящихъ съ горы и готовящихся терзать его тѣло и всего семейства. Другій гоняяся за лисицею безъ всякаго обѣту, и въ посмѣяніе забравшися на гору, разтерзанъ былъ пѣгимъ медвѣдемъ.

Между тѣмъ пары сивухи овладѣли Башкирскими головами; и мы имъ повторяли, что освященная гора ни мало на нихъ досадовать не можетъ. Они сіе сдѣлаютъ въ угодность намъ: иначе и по неволѣ насъ туда провожать должны будутъ. Не знаю дѣйствіе ли вина, или наши слова привели Башкирское разсужденіе въ замѣшательство, и казалися они быть охотными (С. 33) къ провожанію насъ на гору. Какъ вышина, такъ и крутизна горы принуждала насъ разъ до пятнадцати отдыхать, пока добралися до ея вершины, гдѣ увидѣли пространную овалистую площадь, такъ что до сотни Башкирскихъ домовъ на ней помѣстить можно. Съ западной стороны гора гораздо отложѣе, и видѣнъ на ней какъ бы нѣкакой взъѣздъ, которой Башкирцы еще старинѣ приписываютъ, и увѣряютъ, что сей

взъѣздъ еще отъ времянъ Ханскихъ остался. Противъ самаго входу на горѣ находятся остатки низменнаго вала, который по видимому для защищенія сего удобнаго входу былъ сдѣланъ. Въ прочемъ на сей горѣ не видно никакихъ другихъ остатковъ древности. Съ прочихъ сторонъ гора чрезмѣрно утесиста. Обнаженный горы верьхъ усланъ былъ особливымъ родомъ можжевельника, которой у насъ казацкою можжухою, а Башкирцы Артышъ Агачи называютъ. Сіе растѣніе открыло намъ другое Башкирское заблужденіе. Мы были на концѣ горы, какъ рвали сіе произрастеніе. Одинъ Башкирецъ, который казался намъ наиболѣе усердствующимъ, бѣжа къ намъ по горѣ дѣлалъ всевозможные знаки, дабы мы его тутъ пождали; (ибо бывшій тогда сильный вѣтръ и дождь голосу его не допускали до ушей нашихъ) и прибѣжавъ спрашивалъ: на какую мы потребу ломаемъ сучья Артышъ Агачи, (С. 34) и съ какими обѣтами? Но какъ мы ему сказали, что мы беремъ его только для любопытства, и не видимъ никакой причины дѣлать обѣты; то онъ намъ отвѣчалъ съ выговорами, что мы ихъ принудили войти на гору противъ ихъ воли; при томъ дѣлаемъ другое преступленіе, что беремъ съ горы дерево безъ всякой надобности и безъ всякаго обѣта: ибо сіе имъ даромъ пройти не можетъ. Не знаю по суевѣрію ли своему слова сіи произносилъ Башкирецъ, или въ надѣяніи, что мы на горѣ оставимъ какую ни будь дань; ибо Башкирецъ и за малою вещію взлѣсть на гору не полѣнится: однако мы послѣ спровѣдали, и были самовидцами, что можжевельникъ не только отъ Башкирцовъ, но и отъ всѣхъ Татаръ вообще почитается деревомъ одареннымъ силою, изгонять изъ домовъ нечистые духи, какъ то всякъ сіе суевѣріе въ Татарскихъ домахъ примѣтить можетъ.

Башкирцы, стараяся болѣе оказать намъ свои услуги, не скрыли и того, что они за самоважнѣйшее въ сей горѣ почитали. Они доказывали намъ, что по среди утесистаго сѣвернаго горы бока находится пещера, въ которой погребены сокровища

Нагайскаго Хана, привезенныя на двухъ вельблюдахъ, состоящія изъ чистаго золота и серебра, которыя закляты были однимъ не знаю какимъ то Мусульманскимъ угодникомъ, и которыхъ никто изъ нихъ (С. 35) не только достать, но и видѣть не можетъ. Хотя слова ихъ совершенная была ложь; однако любопытство побудило насъ осмотрѣть сіе мѣсто, не въ надеждѣ получить мнимое Ханское богатство, но осмотрѣть пещеру. Съ верьху горы почти по прямому утесу должно было намъ спускаться саженъ до пятидесяти. Башкирцы привыкшіе лазить по горамъ какъ сайги спускалися передомъ и въ осыпавшемся камнѣ дѣлали намъ ступени; но сильный вѣтръ, дождь и обманчивый камень, не рѣдко принуждали насъ о предпріятіи разкаиваться, а нѣкоторыхъ, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ приносить обѣты: однако наконецъ добралися мы до славной Ханской пещеры, которая только съ наружи саженъ на пять отверстія имѣла, а прочее все пространство завалено было кабанами отпавшаго камня такъ, что ни коимъ образомъ далѣе пробраться было не можно, и трудъ нашъ единственно награжденъ былъ защитою отъ сильнаго дождя которой мы въ ней просидѣли. Отъ сей печюрки до подошвы горы не съ меньшимъ затрудненіемъ и опасностію принуждены были мы спускаться: ибо по прежней дорогѣ въ верьхъ взлѣзть дѣло было невозможное.

Оставя чудесную Башкирскую гору поворотили къ рѣкѣ Бѣлой, и были почти на половинѣ дороги, какъ попалися намъ Башкирскія похороны. Напереди ѣхали трое Башкирцовъ съ топорами и лопатами, по видимому для копанія могилы. (С. 36) Разстояніемъ саженъ ста на два ѣхалъ верьхомъ Мулла, а за нимъ везли покойника. Онъ лежалъ на лубкѣ и обшитъ былъ холстомъ. Лубокъ висѣлъ на двухъ веревошныхъ петляхъ, соединенныхъ поперешною веревкою, сквозь которую продетъ былъ шестъ, и концы онаго лежали на переднихъ сѣдельныхъ лукахъ двухъ верьховыхъ рядомъ ѣдущихъ Башкирцовъ, между коими покойникъ какъ въ зыбкѣ качался. За покойникомъ ѣхали

провожающіе сродники и ближніе всѣ верьхами. Такимъ образомъ отправляются у Башкирцовъ похороны, когда они отъ своихъ деревень откочовываютъ. Къ вечеру приѣхали мы въ Башкирскую деревню Кусяткулову которая лежитъ при рѣчкѣ Тайрюкъ, впадающей въ Бѣлую, гдѣ и ночевали.

Въ сію ночь Башкирцы въ деревнѣ имѣли мало покою: ибо они намѣрены были по утру изъ деревни своей откочовывать. Мнѣ надобно сказать о ихъ откочовкѣ.

Башкирцовъ можно почесть межеумками между дикими и градолюбивыми народами. Суровость зимы, глубокіе снѣги и сильные бураны принуждаютъ Башкирцовъ по обыкновенію другихъ Татаръ препровождать зиму въ деревняхъ и въ деревянныхъ худохиженныхъ дворахъ, гдѣ они такъ же малолѣтной скотъ и ѣзжалыхъ лошадей содержатъ; а прочая скотина шатается чрезъ всю зиму въ полѣ. Недостатокъ прошедшаго лѣта въ травахъ, а особливо между (С. 37) Башкирцами, показывалъ печальные остатки: ибо они, будучи и безъ того худые сѣнокосцы, малорослое сѣно горбушами, которые у нихъ въ обыкновеніи, косить не могли, и большую часть зимы принуждены были содержать свой скотъ молодымъ илемникомъ[a], котораго кору скотъ гложа пробавлялся; однако не безъ ущербу хозяина: ибо зима многаго имъ стоила скота, да и немалая часть выведена лѣсу. Всѣ Башкирскія деревни наполнены были кострами обглоданнаго илемника.

Лѣтнее время Башкирцы препровождаютъ въ степяхъ, горахъ и лѣсахъ, въ нарочитомъ разстояніи отъ своихъ домовъ: не рѣдко верстъ за сто отходятъ. И тогда они имѣютъ отмѣнной родъ жизни, согласующій съ ихъ кочеваньемъ ибо лѣтомъ питаются единственно молокомъ, изъ рѣдка животными; а хлѣба совсемъ не знаютъ. Тогда держутъ при себѣ весь свой скотъ, и съ нимъ съ мѣста на мѣсто перекочовываютъ, оставляя ближайшія поля къ своимъ зимовьямъ невредимы для осенняго сѣнокоса.

[a] Ulmus campestris

Живутъ въ войлошныхъ юртахъ, какъ калмыки; а бѣдные отъ перемѣнъ воздуха берестяными шалашами защищаются. Но прежде, нежели начинаютъ они свое кошевое житье, управляютъ всѣ домашнія деревенскія надобности, какъ то сѣютъ около деревни хлѣба небольшое число, закрываютъ свои въ лѣсахъ борти, валяютъ (С. 38) войлоки и кожевничаютъ. Бортевой присмотръ должны имѣть мущины, а прочая домашняя работа отправляется женщинами: онѣ у нихъ портняжатъ, сапожничаютъ, кожевничаютъ и валяютъ войлоки. Кожевничество ихъ отъ всѣхъ кожевныхъ выдѣлокъ отмѣнно.

Снятую сырую кожу разославъ на солнцѣ, натягиваютъ сколько можно со всѣхъ сторонъ, и прикрѣпляютъ небольшими колышками: натянувъ соскабливаютъ шерсть обломкомъ горбуши, вдѣланнымъ въ дерево на подобіе скобели, и держутъ кожу до тѣхъ поръ пока она высохнетъ, и берегутъ по большей части до весны. Весною кладутъ ихъ въ коптѣлки, которыя такъ дѣлаются. Вырываютъ погребъ, отъ котораго подъ землею проводится ровъ, длиною аршина на два съ отдушиною къ поверьхности. Отверстіе погреба покрываютъ лубянымъ бездоннымъ коробомъ, котораго основаніе отвсюду осыпаютъ землею. Въ коробъ и въ отверстіе погреба протягиваютъ веревки, или кладутъ жердочки, на которыя вѣшаютъ высушенныя кожи. Въ отдушину сыплютъ гнилушки дерева которыя зажегши отдушину затыкаютъ, дабы дымъ чрезъ каналъ проходилъ въ погребъ, и кожи всегда въ дыму находилися. Такое безпрерывное куреніе продолжаютъ они недѣли три, а иногда и менѣе, смотря по толстотѣ кожи, по прошествіи котораго времени кожа у нихъ совсемъ изъ дѣла выходитъ. Изъ такъ приуготовленной (С. 39) кожи дѣлаютъ они себѣ не только обувь: но и всю домашнюю утварь, какъ то ведра, кадушки и бутыли. Въ бутыли ихъ, турсуками называемыя, входитъ отъ одного ведра до двухъ и болѣе, и дѣлаются по большой части изъ цѣльной кожи, выключая дно, которое пришивается. На такой конецъ

здираютъ они съ коровъ и лошадей кожу, не разпарывая на переднихъ ногахъ отъ колѣна до передней части лядвеи; и такъ получаютъ сулейную фигуру цѣлой кожи. Хотя Башкирцы про свой обиходъ довольно сѣютъ коноплей, и которыя весьма удачно у нихъ родятся; однако на чеботарство свое и на шитье утвари нитокъ никогда не употребляютъ: ибо вмѣсто нитокъ служатъ у нихъ жилы, отъ чего обувь у нихъ бываетъ носка и почти никогда не подпарывается.

При откочовкѣ изъ деревни Башкирцовъ случилося намъ примѣтить ихъ нерадѣнїе въ содержанїи домашнихъ птицъ. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ куръ и гусей; однако откочовывая всегда ихъ покидаютъ въ своихъ зимовьяхъ на собственное пропитанїе, и довольствуются тѣмъ, что въ осень застать могутъ. Сїе дѣлаютъ они по видимому для приманы хищныхъ птицъ, какъ то ястребовъ, орловъ и соколовъ, къ которымъ они великую имѣютъ склонность; и можно имъ отдать справедливость, что они какъ въ разборѣ, такъ и въ содержанїи сихъ птицъ никакому обученому помытчику не уступятъ. Орлы (С. 40) имъ потребны для стрѣлъ, на которыя они употребляютъ крыльныя и хвостовыя перья, выключая беркутовъ[a], которыхъ Башкирцы для ловленїя звѣрей, какъ то лисицъ, зайцовъ и волковъ употребляютъ.

Башкирцы живучи между горами, и будучи отвсюду окружены заводами, имѣютъ такъ же немалую склонность въ прїискиванїи рудъ; однако рѣдко обысканныя ими руды объявляютъ по причинѣ нѣкоторыхъ иногда случающихся притѣсненїй отъ заводчиковъ, и рудоискатели не рѣдко принуждены бываютъ отъ своихъ земляковъ разныя сносить угрозы, а временемъ и побои: но небольшое воздаянїе все претерпѣнное вскорѣ забывать ихъ принуждаетъ. Можно по справедливости объ нихъ сказать, что мѣдные и железные заводы въ Уралѣ, такъ же и выгодныя къ тому мѣста по большей части Башкирцамъ долженствуютъ. Въ деревнѣ Кусяткуловой

---

[a] Falco fulvus Linn

двое такихъ пристали къ намъ рудоискателей, которые обѣщали золотыя горы. Хотя мы не рѣдко въ нашемъ зимовьѣ обмануты были Башкирскими обѣщанїями; ибо Башкирцамъ все то кажется истиннымъ золотомъ и серебромъ, что въ ихъ глазахъ блеститъ, и что мы по просту кошечьимъ золотомъ называемъ: однако, слѣдуя пословицѣ, ничего не презирай, поѣхали съ Башкирцами на золотую гору. Она составляла берегъ рѣки Бѣлой, въ пяти верстахъ отъ вышепомянутой деревни, и называлась Кызлы Яръ (С. 41) (Красный Яръ). Башкирцы безъ всякихъ орудїй много накопали намъ своего золота, которое состояло въ бѣломъ колчеданѣ...

(С. 44) ...Оставя берегъ рѣки Бѣлой, поѣхали на Башкирскую деревню Сайтакъ прозываемую. Тутъ нашли мы Башкирцовъ уже выступившихъ въ свое кочевье при небольшой рѣчкѣ Бѣлякъ называемой. Они перемѣнивъ образъ житїя, казалися намъ быть и отмѣнны въ нравахъ. Кумызъ, которой они въ кочовкѣ пить начинаютъ, сдѣлалъ ихъ суровыми и незговорчивыми, такъ что мы принуждены были всякую употребить ласку, дабы получить нужное къ продолженїю пути. Но ласковость наша малою служила подпорою, и видя себя принужденными дать на нихъ ударной окрикъ, въ скоромъ времени все получили: ибо Башкирцы отдаленные отъ большихъ дорогъ превратное имѣютъ понятїе о ѣздокахъ, и тѣхъ почитаютъ за неложныхъ и по праву ѣздящихъ, которые съ ними суровѣе обходятся. Шумность ихъ умножала наша подорожная, которая хотя была и съ Татарскимъ переводомъ, однако не имѣла узловъ: ибо, по рѣдкости въ Башкирїи чтецовъ, на подорожной припечатывается веревочка со столькими узлами, сколько кому подводъ давать опредѣлено; и сїи узолки у Башкирцовъ гораздо важнѣе почитаются, нежели всѣ скрѣпы губернаторскїя и воеводскїя.

(С. 45) Въ сторону отъ сей деревни верстахъ въ 30 заведена Башкирская деревня Хазина, стоящая при весьма быстрой рѣчкѣ Бергаметъ называемой, впадающей въ рѣку Тюйбамашъ. Она

тѣмъ достойна примѣчанія кажется, что въ хребтѣ горъ деревню окружающихъ, прозываемыхъ Тирменъ Тау, была достойная осмотру пещера. Въ оную деревню приѣхали мы послѣ обѣда, и хотя застали Башкирцовъ еще не откочевавшихъ; однако не безъ труда было къ тому ихъ склонить, чтобы показали проходъ въ оную; ибо они не знаю за какую то важность почли сей осмотръ, и опасалися привязокъ. Случившійся тогда въ Башкирской деревнѣ сотникъ, который служа часто на линіи много порусѣлъ, первый согласился быть нашимъ вожатымъ; ему и многіе послѣдовали. И такъ мы поѣхали къ пещерѣ, какъ на приступъ, съ Башкирцами вооруженными Сайдаками...

(С. 51) ...Оставя Воскресенской заводъ 20 числа въ вечеру приѣхали мы въ кочовку деревни Башкирской Булякъ, прозываемой отъ старшины Буляка, въ 50 верстахъ отъ заводу находящуюся. Старшина принялъ насъ весьма ласково; и едва мы только успѣли взойти въ его юрту, какъ она наполнилася множествомъ Башкирцовъ. Всякой изъ нихъ допытывался узнать истинную причину нашего приѣзду. Мы разсказывая имъ чрезъ толмача, (ибо Башкирцы изъ рѣдка говорятъ по Руски) примѣтили въ нихъ нѣкоторое сумнѣніе, и чтобы тѣмъ болѣе ихъ увѣрить, что мы имъ правду сказываемъ, дали имъ прочитать Оренбургской Губернской канцеляріи указъ съ Татарскимъ переводомъ. Оный не только возбудилъ въ Башкирцахъ совершенную къ намъ довѣренность, но и почитаніе. Старѣйшіе изъ нихъ взявъ указъ, и присѣвши на цыпкахъ клали себѣ на голову, показывая тѣмъ совершенное къ указамъ послушаніе и подобострастіе.

При семъ случаѣ упомяну я въ удовольствіе читателю о ихъ раздѣленіи и порядкахъ.

Главнѣйшее ихъ росписаніе по волостямъ и по дорогамъ учинено господиномъ Статскимъ Совѣтникомъ Рычковымъ въ его Оренбургской топографіи. Но я скажу только о внутреннемъ ихъ раздѣленіи. Перьвѣйшая особа между Башкирцами называется

старшина. Каждая волость имѣетъ ихъ не равное число, и каждому старшинѣ подвластно нѣкоторое число домовъ. (С. 52) Онъ разразбираетъ между ними дѣла не большой важности, и имѣетъ право ихъ наказывать. Въ его же вѣдомствѣ состоитъ порядокъ въ нарядѣ на линейную службу Башкирцовъ, или для какой чрезвычайности въ особливыя посылки. Они такъ же главное имѣютъ предсѣданіе въ Шерагатахъ[a]; предводительствуютъ Башкирцами въ партіяхъ; на ихъ имена присылаются изъ правительствъ указы: по чему они между своимъ народомъ въ почтеніи, и отъ онаго кромѣ чести нѣкоторые имѣютъ доходы; ибо пастухъ всегда питается отъ стада. Старшинскіе чины получаютъ они по опредѣленію Оренбургской губернской канцеляріи, и по большой части по народному желанію.

Подъ старшиною занимаетъ мѣсто старшинскій помощникъ, который нѣкоторою управляетъ частію, и въ случаѣ междустаршинства первое имѣетъ мѣсто.

За помощниками слѣдуютъ сотники, которые имѣютъ надзираніе надъ сотнями; и въ одномъ только надзираніи вся ихъ состоитъ власть; ибо они тѣлесно наказывать не могутъ. При каждомъ старшинѣ бываетъ писарь изъ Мещеряковъ, (С. 53) которые опредѣляются къ нимъ по указу Оренбургской губернской канцеляріи на Башкирское содержаніе. Они кромѣ отправленія писменныхъ дѣлъ имѣютъ надзираніе и за поступками Башкирцовъ; смотрятъ, чтобы точно исполняемо было по насылаемымъ указамъ; а наиболѣе наблюдаютъ общую тишину, и о малѣйшихъ подозрѣніяхъ къ нарушенію оныя доносятъ въ присутственныя мѣста.

---

[a] Шерагатъ называется у нихъ нѣкоторой родъ суда, по которому двое тяжущіеся выбираютъ себѣ судьями изъ своихъ Башкирцовъ по ровному числу: однако всякій шерагатъ долженъ быть уполномоченъ или отъ губернской, или отъ провинціальной канцеляріи. Шерагатной приговоръ почитается у нихъ за свято, и сходствуетъ с нашимъ такъ называемымъ тройственнымъ или третьячимъ судомъ.

Сїи суть главнѣйшїя и присутственными мѣстами опредѣляемыя въ Башкирскомъ народѣ особы. Для приѣзжающихъ выбираются у нихъ, какъ и въ другихъ деревняхъ, старосты и десятскїе, которые знаютъ очередь, кому гонять подводы, и проч.

Будучи въ совершенномъ лѣтнемъ Башкирскомъ кочевьѣ, опишу и оное.

Въ лѣтней кочовкѣ по большой части раздѣляются они на семьи, такъ что кочовку составляютъ сродственники. Мѣсто кочеванїя всегда избираютъ при рѣчкахъ или ключахъ, и огораживаютъ оное жердями, дабы скотъ близко не подходилъ къ кибиткамъ. Но какъ ихъ пища по большой части состоитъ во молокѣ: то оно и главнѣйшимъ ихъ въ кочовкахъ бываетъ упражненїемъ. По утру пригоняютъ они свой скотъ, и доятъ въ разные судна, кобылицъ особо, и коровъ особо. Изъ коровьяго молока дѣлаютъ масло, сыры, которые коптятъ дымомъ на коптелкахъ. Кислое молоко, Айрянъ называемое, которое они (С. 54) такъ, какъ и Татара, употребляютъ вмѣсто обыкновеннаго питья. Изъ кобыльева молока дѣлаютъ кумызъ, прїятнѣйшее свое питье, которое вмѣстѣ составляетъ и главнѣйшую ихъ пищу. Они на такой конецъ имѣютъ большой коженой мѣшокъ, Саба называемой, въ которой льютъ кобылье молоко, прибавляя нѣсколько горячей воды, и мѣшаютъ нарочно сдѣланною мѣшалкою, чтобы не ссѣдалося и творогъ разбивался.

Въ содержанїи скота въ кочовкахъ много они сходствуютъ съ Калмыками. Какъ скоро по утру пригонятъ скотъ; то жеребятъ и телятъ привязываютъ на веревки, протянутыя близъ кибитокъ, и тутъ держутъ ихъ цѣлой день безъ всякой пищи. И хотя въ полдни скотъ самъ приходитъ къ кибиткамъ, дабы защищаться отъ оводу куревомъ, которое нарочно около кибитокъ Башкирцами разводится; однако, не смотря на ржанїе жеребятъ и мычанїе телятъ, ни одна матка не подходитъ; и естьли какая чадолюбивая случится, тогда надѣваютъ жеребятамъ на рыло

бездонной буракъ, у котораго сторона соотвѣтствующая передней губѣ долѣе бываетъ. Сїя бездѣльная машина препятствуетъ жеребятамъ насыщаться молокомъ своей матери.

Въ вечеру скотъ у нихъ въ обыкновенное время самъ такъ же приходитъ къ кибитакамъ: однако прежде не подходитъ къ своимъ дѣтямъ, пока Башкирка, надѣвъ на кобылицу укрюкъ, не (С. 55). приведетъ ее къ привязанному жеребенку; да и тогда только сосокъ другой ему позволяется, по видимому для того, чтобы онъ притянулъ молоко къ титькамъ, которое Башкирки все выдоивъ на свой кумызъ, съ пустымъ вымемъ отпускаютъ кобылицъ и съ ними жеребятъ на ночь. Коровы у нихъ такому же правилу подвержены. И сїи суть главнѣйшїя упражненїя Башкирокъ въ кочовкѣ. А Башкирцы тогда болѣе ничего не знаютъ, какъ одувать кумызъ, или временно присмотрѣть въ лугахъ за скотомъ.

Усердствующїй намъ старшина въ кочовкѣ своей сдѣлалъ великое Башкирцовъ собранїе, и толкуя имъ намѣренїя, съ какими мы посланы, разспрашивалъ у каждаго, не знаетъ ли кто чего намъ объявить. Изъ всѣхъ ихъ отвѣтовъ достойны осмотру были двѣ пещеры, на рѣкѣ Бѣлой находящїяся. Онѣ отъ старшинской кочовки отстояли верстахъ въ шестидесяти, куда проѣзжать надобно было по высокимъ горамъ и лѣсами. И такъ, оставя обозъ свой въ кочовкѣ, поѣхали туда верьхами. Но чтобъ поѣздъ нашъ тѣмъ былъ великолѣпнѣе и безопаснѣе, то старшина далъ намъ четырехъ вооруженныхъ сайдаками Башкирцовъ, между коими находился его сынъ и старшинскїй писарь. Хотя шестьдесятъ верстъ не великое было разстоянїе: однако должно было запастися сутки на двои провїантомъ; и мы тутъ увидѣли великую разность между нашими и Башкирскими сборами. Вся ихъ провизїя (С. 56) состояла въ небольшихъ кускахъ сыру и турсукахъ кумызу, которыхъ каждый имѣлъ по одному. Съ сего они были, по просту сказать, сыти и пьяни. Чѣмъ мы далѣе отъѣзжали отъ кочовки Буляковой, тѣмъ большїя встрѣчалися съ

нами горы, окружающія пространныя долины, на которыхъ паслися великія стада Башкирскаго скота. Индѣ должно было намъ пробираться сквозь частые лѣса, индѣ лѣпиться крутизнами горъ. Тутъ изобиловали ключи, журчащіе при подошвахъ горъ; тамъ возвышалися безплодные горъ хребты; чистота воздуха, пестрота растѣній и безмолвная вездѣ тишина увеселяла нашъ взоръ и разумы. Въ сихъ то отъ природы украшенныхъ мѣстахъ единственно обитаютъ Башкирцы. Всякъ, кто видалъ Башкирцовъ въ зимовьѣ, почтетъ ихъ за другихъ людей. Тамъ видѣлъ ихъ униженныхъ, боязливыхъ, истощенныхъ: тутъ на противъ того въ кочовкахъ увидитъ ихъ смѣлыхъ, нѣкоторымъ образомъ горделивыхъ, предпріимчивыхъ и здоровыхъ. Но откуду же въ толь короткое время бываетъ въ нихъ перемѣна? Отдаленныя въ горахъ мѣста раждаютъ въ нихъ нѣкоторой образъ вольности. Чистота и пріятность воздуха, здоровѣйшая по ихъ привычкѣ пища, свободная и беззаботливая жизнь ободряетъ ихъ душевныя и тѣлесныя силы.

Намъ всего приятнѣе было смотрѣть на ихъ гостепріимство. Башкирцы при всякой кочовкѣ (С. 57) останавливались; самая младшая жена хозяина принимала гостинныхъ лошадей, привязывала ихъ къ кибиткѣ, и отстѣгивая сѣдло обивала потъ. Вошедшіе гости здороваются съ хозяевами сжиманіемъ рукъ, и садятся не скидивая шапокъ. Тутъ хозяинъ или хозяйка наливаетъ чашки кумызу и подаетъ близъ его сѣдящему, который прочитавъ молитву, отдаетъ близъ себя сѣдящему; оный другому даже до послѣдняго, такъ что сѣдящій въ первомъ мѣстѣ начинаетъ пить послѣ всѣхъ. Сколько ни сытъ бы былъ Башкирецъ, принужденъ бываетъ выпить по крайней мѣрѣ двѣ большія чаши: ибо менѣе сего пить хозяину за обиду почитается. Насытившись кумызомъ, кончатъ дѣло благодарною къ Богу мольбою. Тутъ хозяинъ надѣляетъ ихъ кумызомъ на дорогу, и лучше самъ желаетъ остаться ни съ чѣмъ, нежели гостей отпустить безъ награды. Сія въ Башкирцахъ привычка такъ

далеко простирается, что они одни не могутъ, какъ говорятъ, съѣсть куска хлѣба. Мы изъ любопытства давали калача бывшему съ нами старшинскому сыну, который его на малѣйшія разломавъ частицы, одѣлилъ всѣхъ предсѣдящихъ Башкирцовъ.

Ужасная жара въ полдни принудила насъ остановиться и раскласть огонь для обороненія лошадей отъ оводу. Мѣсто, гдѣ мы остановилися, составляло глубокую долину окруженную отвсюду высокими горами, изъ которыхъ высочайшая называлася Жиланъ Тау (Змѣиная гора). (С. 58) Она прозвана Змѣиною по Башкирскимъ сказкамъ, что въ старину живалъ въ ней великій змѣй, которой убитъ былъ отъ одного ихъ батыря[a], Клянчу прозываемаго, и который употребилъ особливую выдумку къ преодолѣнію сего сопротивника. Онъ напоилъ свою саблю лошадинымъ потомъ, которой они за змѣинаго поборника почитаютъ; да и нынѣ думаютъ, что никакимъ орудіемъ змѣю такъ скоро умертвить не можно, какъ плетью: ибо оная всегда лошадинымъ потомъ напоена бываетъ. Но сіе касается до суевѣрныхъ Башкирскихъ преданій; однако и кромѣ сихъ гора достойна примечанія.

Долину раздѣляетъ рѣчка Астынданъ Жилга (подземельная рѣчка). Она выходитъ кипучимъ ключемъ съ сѣверной стороны долины, и притекши саженъ ста съ три соединяется съ разными истоками біющими изъ подъ горы Жилана, и гдѣ склоняся съ полуденной стороны на возточнополуденную, въ обширную жарловину оныя же горы сь великимъ стремленіемъ и шумомъ втекаетъ. Хотя мы во всѣ стороны Жилань Тау объѣзжали, и разсматривали противулежащія долины, дабы найти то мѣсто, гдѣ вода паки выходитъ; однако тщетно. Сего можетъ быть за нѣсколько десятковъ верстъ искать надобно. Рѣчка сія служила намъ къ яснѣйшему воображенію о рожденіи горныхъ пещеръ. (С. 59) Къ вечеру приѣхали мы къ Бѣльскому берегу, гдѣ находилися пещеры.

---

[a] Батыръ значитъ храбрецъ, откуда безъ сумнѣнія въ нашемъ языкѣ вышло слово богатырь.

Поздное время удержало насъ отъ осмотру оныхъ, и мы разположили свой станъ на горѣ Муйнакъ Ташъ, (гора Шея) называемой. Съ нее намъ рѣка Бѣлая казалася небольшимъ ручейкомъ. Разновидные горъ утесы, оба берега рѣки Бѣлой составляющїе, представляли мѣстами какъ бы древнихъ городовъ развалины: иные имѣли видъ башенъ, другїе представляли столбы; а иные совсемъ походили на порядочно укрѣпленныя мѣста. Ущелья, представляющїя ужасныя пропасти, густота лѣсовъ, тѣсные проходы и стремнины, представляли глазамъ нашимъ ту надежду, которую Башкирцы во время бунтовъ на природное земли своей укрѣпленїе полагали.

Не безъ удовольствїя смотрѣть мы такъ же могли и на привычку Башкирцовъ, которые всякїя горъ крутизны за отлогое почитая мѣсто, на лощадяхъ разъѣзжали; да и сами мы видѣли, что безопаснѣе было ѣхать на лошадѣ, нежели спускаться пѣшкомъ: ибо Башкирскїя лошади, пасучись по горамъ, такъ лѣпки, что съ высокихъ крутизнъ, иногда и по самой узкой тропѣ, спускаются.

Трудная и непривычная намъ верьховая ѣзда много насъ утомила; прїятность, прохлада и чистота воздуха причиняли намъ покойной сонъ: однако мы имъ не на долго пользоваться могли.

(С. 60) Бывшїе съ нами Башкирцы на самой утренней зарѣ начинали кричать проницательнымъ голосомъ и стучать каменьями. Необыкновенный сей стукъ и въ просоньяхъ для насъ нѣсколько былъ страховатъ, тѣмъ наипаче, что мы около себя ни одного не видали Башкирца: но иные изъ нихъ были на рѣчномъ берегу подъ горою, другїе по горѣ разъѣзжали верьхомъ, продолжая свою вокальную и инструментальную музыку. Но страхъ нашъ вскорѣ перемѣнился въ смѣхъ съ нѣкоимъ удовольствїемъ. Соколы, которые обыкновенно въ каменныхъ утесахъ свои дѣлаютъ гнѣзда, были причиною Башкирскаго крику. Башкирцы, будучи съ природы великїе охотники до хищныхъ птицъ, стараются всегда доставать молодыхъ соколовъ

изъ гнѣздъ, и дома ихъ рачительно воспитываютъ: а великій крикъ подымали для того, чтобы узнать ту печуку, гдѣ соколъ гнѣздо свое имѣетъ; ибо такій крикъ наноситъ имъ страхъ и принуждаетъ ихъ оставлять свои гнѣзда. Наши птицеловы утромъ обыскали три гнѣзда, и съ великою радостію приуготовлялися получить изъ нихъ свою добычу. Добыча сія не безъ труда имъ достается; ибо соколы выбираютъ себѣ печурки по среди утесовъ, куда саженъ тридцать, а иногда и болѣе съ верьху спускаться должно. Наши сокольные промышленники, собравъ всѣ свои арканы, и связавъ ихъ опускали съ горы до тѣхъ поръ, пока конецъ оныхъ, на которомъ навязана (С. 61) палка, сталъ противу сокольяго гнѣзда, по которому Башкирецъ спустяся, выбиралъ изъ гнѣздъ молодыхъ соколятъ, съ которыми должно было его опускать до самой подошвы горы, что около семидесяти саженъ составляло. Не рѣдко случается, что въ такомъ отважномъ, а для Башкирцовъ лакомомъ предпріятии, ломаютъ они себѣ руки и ноги, а иногда и до смерти убиваются.

Радующіеся Башкирцы о сокольей добычѣ повели насъ къ пещерѣ, которая въ самой той же горѣ находилася. Отверстіе оныя отъ подошвы горы было въ двенадцати саженяхъ: однако къ оному по лежащимъ великимъ каменнымъ кабанамъ способно взойти было можно. Оно имѣло четвероугольную фигуру; высота его была около осьми, ширина въ десять саженъ, и противулежало южновосточной сторонѣ. Въ самыхъ пещеры воротахъ лежали великіе четвероугольные каменные кабаны; а иные надвисли, что входъ въ пещеру не безопаснымъ дѣлаетъ. За отверстіемъ слѣдуетъ какъ бы преддверіе пещеры. Ширина его въ шесть, а длина въ осьмнадцать саженъ; верьхъ кончится ущельемъ, котораго конца видѣть было не можно: ибо высоты его на глазомѣръ около 20 саженъ будетъ. При окончаніи онаго въ правую сторону находилася низменная палата вышиною въ ростъ стоящему человѣку. Она никакой правильной фигуры не имѣла, и вездѣ показывала тѣсныя щели...

(С. 68) ...Дремучїе по горамъ лѣса и высокїя сосны представляли намъ важнѣйшее Башкирцовъ упражненїе и промыслы. Рѣдко можно было видѣть чистую и гладкую сосну, около которыхъ бы не журчали толпы медоносныхъ пчелъ. Хотя совсемъ отмѣнное и любопытное Башкирцы имѣютъ со пчелами обхожденїе; однако описывать оное было бы излишное дѣло. Сїе съ возможною точностїю описано господиномъ Статскимъ Совѣтникомъ Рычковымъ; и мнѣ только остается сказать объ одномъ средствѣ, какое Башкирцы противу лакомыхъ до меду медвѣдей употребляютъ.

Когда они примѣтятъ, что медвѣдь не смотря ни на какїя другїя предосторожности посѣщаетъ ихъ борти; то дѣлаютъ они простую ловушку, *Кыза* называемую (Рис. 2). Бортевое дерево огораживаютъ кольями *a*, и оплетаютъ оныя плетнемъ, оставляя отверстїе шириною аршина на два въ томъ мѣстѣ, откуду медвѣдь приходитъ къ бортю. Съ одной стороны отверстїя вбиваютъ колъ b вышиною великорослому человѣку въ колѣно, отъ котораго въ прямой линїи разстоянїемъ на сажень, вбиваютъ другой колъ c (С. 69) и оба сїи кола скрепляютъ перекладиною d, *сит казъ*. Противу перекладины, разстоянїемъ саженяхъ въ двухъ, вколачиваютъ еще два кола e и f, между которыми кладется сырой вязовой шестъ g, лучокъ *я* называемой, къ концу онаго h привязывается путо *штау* i. Къ путу прикрѣпляется сторожокъ k *кандакъ;* который по натянутїи лука g, настораживается въ зарубинѣ l, сдѣланной на перекладѣ d. Съ другой стороны лучка, въ прямой линїи съ перекладиною d и равной съ нею длины, укрѣпляется или толстая стрѣла, или обломокъ копья m. Къ концу сторожка привязывается тонкая веревочка n, которая прикрѣпляется такъ же къ колу, на другой сторонѣ отверстїя стоящему o, такъ чтобы она не была натянута, но висѣла. Отверстїе pp слегка покрываютъ хворостомъ, чтобы веревочка q не такъ была видна. И такъ когда медвѣдь по обыкновенной своей дорогѣ сквозь отверстїе pp пробирается къ бортю, и тащитъ передъ собою хворостъ и съ онымъ зацепляетъ

веревочку p; отъ чего сторожокъ k срывается, то лукъ g своею упругостїю устремляетъ стрѣлу m, которая медвѣдю или бокъ, или грудь пронзаетъ отъ чего онъ иногда на мѣстѣ, иногда отошедъ, издыхаетъ.

Гористыя, лѣсныя и бездорожныя мѣста принудили насъ оставить рѣку Бѣлую и проѣзжать окольными дорогами. И такъ того же дня начали (С. 70) мы перебираться чрезъ Бѣлую. Тутъ не было никакихъ мостовъ, ни перевозныхъ плотовъ, но должно было перебираться бродомъ. Хотя бродомъ перебраться кажется бы и ничего не значитъ; однако быстрина рѣки Бѣлой и въ самую межень не беззатруднительна: ибо и верьховая лошадь противъ воды съ трудностїю итти можетъ. При томъ отъ различнаго стремления надобно выбирать мѣли, гряды называемыя, которыя то въ низъ, то въ верьхъ противу воды лежатъ. Сїи обстоятельства продержали насъ въ переправѣ до вечера; да и то не безъ вреда переправиться могли. Тутъ уже глазамъ нашимъ представилася отрытая степь, украшенная небольшими перелѣсками: мѣстами подымалися и хребты невысокихъ горъ, которыя по большой части были безлѣсны, и изобиловали изящными травами...

(С. 73) ...24 числа не болѣе могли мы переѣхать 27 верстъ до Башкирской деревни Красная Мечеть называемой. Небольшїя рѣчки, какъ то Теряшли, впадающая въ Ярчубакъ, и рѣка Икъ, соединяющаяся съ Сакмарою, были намъ великимъ въ пути препятствїемъ; и мы принужденными находилися собственною своею артелью дѣлать мосты. Въ деревнѣ Красная Мечеть были мы зрителями какъ смѣшнаго, такъ и жалостнаго Башкирскаго суевѣрїя. Я не могъ ни отъ кого допытаться, откуда у нихъ сїе заблужденїе произходитъ; но только то узналъ, что оно болѣе до чреватыхъ Башкирокъ принадлежитъ, и называется Шайтанъ Уикъ (Бѣсовая игра). Когда какая Башкирка не задолго до разрѣшенїя отъ бремени впадаетъ въ болѣзнь, особливо когда будетъ чувствовать отмѣнное въ животѣ давленїе, (С. 74) или судорожныя

порывы; то Башкирцы безъ всякаго недоимовѣрія приписуютъ сіе прикоснувшемуся нечистому духу: и въ такомъ случаѣ всѣ свои обыкновенныя средства почитаютъ недостаточными, и ищутъ помощи у своихъ чародѣевъ, называемыхъ Шайтанъ Курязя (чертовидецъ). Оные люди у нихъ въ отмѣнномъ почтеніи, да и рѣдки бываютъ; иногда за ними ѣздятъ верстъ сотъ по пяти и болѣе. Шайтанъ Курязя, котораго мы видѣли, былъ здоровый и молодый дѣтина, и искуство свое получилъ по наслѣдству дѣда. Хозяинъ, у котораго была больная жена, долженъ былъ сдѣлать Башкирскую пирушку. Тутъ собралося множество молодыхъ людей обоего пола, и поднялася ихъ обыкновенная пляска въ дому больной женщины съ великимъ крикомъ и шумомъ. Сіе дѣлаютъ они для того, что по увѣреніямъ Шайтанъ Курязи нечистый духъ, опасаяся множества людей, не входитъ въ избу; но пережидаетъ ихъ или на дворѣ, или по большой части на кровельномъ коникѣ. Въ пляскѣ и крикѣ, или лучше сказать, въ бѣшенствѣ Шайтанъ Курязя всѣхъ превосходилъ. Онъ имѣлъ обнаженную саблю и заряженную двумя пулями пищаль. Какъ пришла глубокая полночь, Шайтанъ Курязя, выбралъ троихъ наиздоровѣйшихъ людей, которымъ велѣлъ быть при себѣ неотлучными; и наказывалъ имъ, когда онъ вступитъ съ нечистымъ духомъ въ бой, то бы его (С. 75) съ зади за кушакъ и за полы держали: ибо такіе чертовидцы увѣряютъ простаковъ, что не рѣдко нападаютъ на духовъ сильныхъ, съ которыми имъ должно чрезъ долгое время бороться. Отобравъ своихъ тѣлохранителей, къ полуночи неистовой на себя принялъ видъ, и самъ болѣе походилъ на демона, нежели на человѣка. Тутъ уже крикъ и пляска перемѣнилися, и чертовидѣцъ прилѣжно смотрѣлъ на всѣ окна. Наконецъ, какъ бы увидя непріязненнаго духа, взявъ свою пищаль крался къ окошку, какъ искусный стрѣлокъ подъ птицу, и такъ громко выпалилъ, что мы опасалися, дабы затрясшаяся Башкирская хижина насъ не задавила. Потомъ съ великимъ воплемъ въ провожаніи своихъ тѣлохранителей, и имѣя

въ рукахъ обнаженную саблю выскочилъ изъ избы, и бѣжалъ до самой рѣки Ика, безпрестанно саблею махая. По его сказкамъ раненый чортъ ушелъ въ воду, и обнадѣживалъ хозяина, что Шайтанъ, или нечистый духъ жены его болѣе посѣщать не будетъ. На томъ мѣстѣ гдѣ Шайтанъ сидѣлъ, для большей довѣренности показывалъ онъ всѣмъ желающимъ видѣть парную кровь, что и мы въ самомъ дѣлѣ видѣли: но угадать не трудно, откуду она была; ибо не за долго предъ сраженіемъ выходилъ онъ на дворъ, подъ видомъ чтобы лучше удостовѣриться о приходѣ Шайтана. Отправивъ сіе позорище, тою же ночью убрался во свояси; да и больная по утру, какъ мы (С. 76) оставили сію деревушку, была при послѣднемъ издыханіи. И я думаю, что такое чертогоненіе по большой части сопряжено бываетъ съ кончиною больныхъ; естьли представить только то безпокойство, которое отъ крику и стуку чертовидца съ товарищами произходитъ, при том и страшное воображеніе о нечистомъ духѣ.

Оставя больную своей судьбинѣ, отправилися на казенной мѣдиплавиленной заводъ, Вознесенскимъ называемой, который отстоитъ отъ Красной мечети въ 45 верстахъ. Дорога къ сему заводу лежитъ подлѣ рѣки Ика. Она, какъ и прочія Уральскія рѣки, камениста и чрезмѣрно быстра, окружена высокими безлѣсными горами: но чѣмъ сіи горы по теченію рѣки подходятъ ближе къ рѣкѣ Бѣлой, тѣмъ изобильнѣе становятся лѣсами. Вышина горъ, такъ же и излучистое теченіе рѣки Ика и впадающія небольшія въ него при дорогѣ находящіяся рѣчки. Магрышь, Шишимашь, Пшале, Шеланча, на 46 верстахъ заставляли насъ имѣть двенадцать переправъ; два раза чрезъ рѣчку Кусеюклю, и десять разъ чрезъ Икъ...

(С. 77) ...Въ 15 верстахъ отъ заводу лѣтнею ѣздою, въ одной горѣ берегъ рѣки Бѣлой составляющей, называемой Шюлюганъ Ташъ, находится славная Бѣльская пещера, описанная господиномъ Статскимъ Совѣтникомъ Рычковымъ...

(С. 87) ...Описавъ такимъ образомъ пещеру, остается сказать о ея началѣ. Хотя господинъ Совѣтникъ Рычковъ для причинъ, отъ него упоминаемыхъ думаетъ (С. 88) что сїя пещера сдѣлана человѣческими руками въ самыя древнѣйшїя времена; однако всѣ доводы его не очень тверды: да и въ самомъ дѣлѣ такую громаду сооружить дѣло невозможное, да и ненужное. Естьли мы посмотримъ пристально на отдѣленїя пещеры, то удобно понять можно, что сїю великую въ горѣ пустоту единственно произвела вода. Наклоненїе оконъ, прорванные и двери представляющїе простѣнки, ясно доказываютъ, что одно отдѣленїе дѣлалося за другимъ, и вода выступивъ изъ одного вертепа вымывала другой.

Местами наваленные безпорядочно камни безъ сумнѣнїя обвалилися уже много спустя времени по произшествїи пещеры. Мы тутъ видѣли каменья, гдѣ ихъ при осмотрѣ г. Рычкова не бывало; а иные были навислы и грозили паденїемъ.

Башкирскїя сказки оставляю въ сторонѣ: ибо изъ баснословїя сего легкомысленнаго и суевѣрнаго народа ничего заключать не можно. Не могу такъ же за подлинно увѣрить, откуда вода забралася въ гору: изъ озера ли Елкичи Кичанъ, или можетъ быть еще изъ дальнѣйшаго мѣста...

(С. 91) ...Отъ Вознесенскаго завода паки принуждены были оставить рѣку Бѣлую за непроходными дорогами, и пробираться на самой Уралъ, куда хотя худая, однако проложена была дорога на заводъ Каноникольской. До сего завода отъ Вознесенскаго почитается 50 верстъ, которое разстоянїе все занято лѣсами, между коими наиболѣе изобиловала лиственница[a]. (С. 92) Сколь прекрасенъ сей лѣсъ, столь жалостное его состоянїе. Рѣдко можно примѣтить дерево, которое бы было не попорчено. Злоупотребленїе

[a] Pinus Larix

Башкирцовъ, пускать весенній огонь въ степяхъ и въ лѣсахъ, наиболее тутъ было видно; ибо лиственница, предъ другими деревьями изобилуя сѣрою, весьма удобно загорается. Сверьхъ сего странная и прежде нами еще непримѣченная Башкирцовъ привычка въ ловленіи зимнимъ временемъ бѣлокъ, не мало къ изтребленію такихъ лѣсовъ служитъ. Загнанная и утомившаяся бѣлка ложится на толстые сучья, и тѣмъ кроется отъ Башкирскихъ стрѣлъ: но и сіе средство ее спасти не можетъ. Башкирцы не щадя своихъ трудовъ, а паче лѣсу, не рѣдко огромныя подрубаютъ дерева, дабы в пять копѣекъ получить добычу...

(С. 94) ...Наша лиственница еще и то имѣетъ преимущество, что самыя старыя дерева даютъ вязкой сокъ, камедь называемой, что первый примѣтилъ г. Докторъ Валеріани; и государственная Медицинская коллегія по многимъ опытамъ нашла его почти во всемъ подобнымъ Арапской камеди, Сенегалъ прозываемой, и вся разность состоитъ только въ рыжеватомъ цвѣтѣ. Она уже съ пользою въ Оренбургѣ употребляется во всѣхъ тѣхъ врачебныхъ случаяхъ, въ которыхъ Арапскую камедь употреблять должно. Такая камедь сама собою, на толстыхъ пняхъ, а особливо, гдѣ кора попорчена, ежегодно фунтовъ до пяти накопляется...

(С. 95) ...Выростающая на лиственницахъ губка служитъ Башкирцамъ для множества содержащейся въ ней сѣры проноснымъ. Ею лѣчатъ они и свой скотъ, присыпая порошокъ губки въ наружныя раны, отъ чего раны не только скорѣе заволакиваетъ, но и удерживаютъ насѣкомыхъ класть въ раны свои яица и размножать черьвей.

Лиственную сѣру Башкирки, подражая возточнымъ народамъ, жуютъ а пережевавъ выбрасываютъ. Симъ средствомъ стараются они въ бѣлизнѣ всегда содержать свои зубы...

(С. 96) ...При семъ случаѣ упомяну я о выгодѣ въ Башкирїи находящихся заводовъ предъ другими заводами. Башкирцы, какъ народъ гулящїй, такъ и заводный лошадьми, за малую цѣну возятъ руду и другїя заводскїя потребности...

(С. 99) ...Пробираяся по симъ затруднительнымъ мѣстамъ чрезъ 25 верстъ, къ вечеру приѣхали въ Башкирскую волость, Бурзянскою прозываемую; гдѣ тогда начальствовалъ старшина Тавлыкай. Имя Бурзянцовъ для насъ было страховато для бывшаго въ 1755 году отъ сей волости возмущенїя, Бурзянскимъ прозываемаго: по чему мы и предпрїяли всѣ осторожности, тѣмъ наипаче, что сей бунтъ произошелъ отъ каменотесца Брагина; да и намъ до каменьевъ было такъ же дѣло. Однако изходъ довольно доказалъ намъ, что наша забота была тщетна. Въ Бурзянцахъ мы никакой не нашли разности, кромѣ что они, претерпѣвъ великїя пораженїя какъ внутри своихъ жилищъ, такъ и въ Киргизской ордѣ, въ бѣдности другихъ превышали. Но какъ камни были причиною всего возмущенїя; то мы въ семъ мѣстѣ старалися видѣть слѣды помянутаго Брагина въ приискѣ цвѣтныхъ каменьевъ.

За важнѣйшїе изъ его приисковъ почиталися около озера Талкаса, что отъ деревни Тавлыкаевой около ста верстъ составитъ.

(С. 100) На оныя мѣста для лучшей способности отправилися мы верьхами, и переѣхавъ чрезъ Уралъ, остановилися ночевать при Сакмарѣ; ибо сильный дожжикъ далѣ продолжать нашъ путь препятствовалъ. Не доѣзжая до Сакмары верстъ за 20, при рѣчкѣ Ширлы, наѣхали на высунувшїйся гребень горы, который состоялъ такъ же изъ чистаго кварца, и котораго разсѣлины наполнены были подобною чернью, какую мы описали при рѣчкѣ Куртлы; а въ пяти верстахъ отъ онаго мѣста въ косогорѣ, котораго имени намъ Башкирцы сказать не могли, была старинная копь, гдѣ мѣдные въ кварцѣ признаки и съ золотою чернью находилися. Сїи случайности подали намъ поводъ

поприлѣжнѣе разсматривать кварцы, и не упускать ни одного случая къ испытанїю кварца, изъ котораго весь Уралъ состоялъ.

Уралъ[a] изобиловалъ кварцомъ, а Сакмарскїя горы шифернымъ и песчанымъ камнемъ, въ (С. 101) которыхъ много примѣшано было слюденыхъ частицъ; по чему мы твердую полагали надежду къ отысканїю тутъ слюды...

...На другой день приѣхали мы къ озеру Талкасу, которое отъ Сакмарскаго яму, по рѣчкѣ Сапчалѣ Сапчальскимъ прозываемаго, въ 4 верстахъ находится, и не такъ своею обширностїю, (ибо въ округѣ его не болѣе 4 верстъ), но убивствомъ каменосѣчца Брагина знаменито. Озеро сїе не по величинѣ своей всякою мѣлкою рыбою изобильно. Надъ нимъ находится особливый хребетъ горъ, который весьма далеко видѣнъ и называется Ирентикъ. Онъ заключенъ между двумя (С. 102) вершинами рѣкъ Таналыка и Тюеласа, впадающихъ в Яикъ.

Отъ сего озера въ верьхъ по рѣкѣ Сакмарѣ въ 48 верстахъ на самой Исетской дорогѣ не доѣзжая 12 верстъ до Авяняшевскаго яму, по рѣчкѣ Авяняшѣ прозываемому, находится славная Агатовая гора Курзятмасъ, къ которой мы поворотя въ 25 верстахъ переѣзжали рѣчку Туралы, при которой стоитъ ямъ того же имени. За сею рѣчкою слѣдовала въ 12 верстахъ Карачи Илга (Черная рѣчка); за оною два озерка Бурсюнцы и Агавлы, оба рыбныя. Гора Курзятмасъ нарочито высока, однако отлога, и раздѣлилася на два холма, между коими въ долинѣ лежит Исетская дорога...

---

[a] Описывать, что значитъ Уралъ, за излишнее почитаю. Пространное онаго описанїе можно читать въ Оренбургской топографїи; и мнѣ только кратко сказать остается, что чрезъ Уралъ единственно только тотъ поясъ горъ означается, который между сплетенными вершинами рѣкъ проходитъ, и которой никакая рѣка не перебила. Башкирцы разсказываютъ одну побасенку: будто выданная Башкирка за мужъ за Уралъ имѣла одну стельную корову, отъ которой родившїйся быкъ паки перешелъ на прежнее жилище, не переправляяся ни чрезъ какую рѣку, но прямо хребтомъ горъ; отъ чего и наименованїе Урала.

(С. 105) ...Отправяся отъ старшины Тавлыкая, пробиралися на кочовку старшины Трухменя, который тогда отъ насъ въ 25 верстахъ находился при рѣчкѣ Куркятау, выходящей изъ Урала и соединяющейся съ рѣкою Каною. Сїи 25 верстъ показалися намъ цѣлою сотнею; ибо съ обозомъ должно было преодолѣть крутыя горы и оболотныя вершины рѣки Зелаира, впадающей въ Яикъ; и въ сей день весь нашъ трудъ награжденъ былъ двумя мѣстами въ вершинахъ рѣчки Зелаира, которыя показывали намъ признаки золотой черни ни въ чемъ отъ прежде упомянутыхъ не разнствующїя.

Затруднительный путь уже намъ много наскучилъ; и по тому стараясь облегчить проѣздъ, требовали особливыхъ провожатыхъ отъ старшины, который, отговариваяся своею въ Уралѣ новостїю, представлялъ намъ близъ его кочующаго старшину Илиша, который за знатока всѣхъ мѣстъ въ Уралѣ почитается.

Старшина Илишъ кочевалъ тогда только въ 4 верстахъ отъ Трухменя, и я за лучшее почелъ посѣтить его самаго въ кочевкѣ, и тѣмъ удовлетворить Башкирской надмѣнности: ибо Башкирцы въ своей кочовкѣ, а особливо старшины, весьма надмѣнны. И такъ не упуская времени отправилися въ его улусъ, гдѣ застали только престарѣлыхъ людей; а старшина былъ на поминкахъ. Старшину потревожить съ пиршества дѣло непристойное, да и невозможное: (С. 106) и такъ не смотря на сильной дождь, поскакали мы въ плачевной улусъ, къ которому подъѣзжая увидѣли великое множество осѣдланныхъ лошадей привязанныхъ къ деревьямъ, и около одной кибитки копну народа; но подъѣхавъ ближе разсмотрѣли, что казавшаяся намъ толпа весьма была порядочна. Башкирцы сидѣли треугольникомъ на сдѣланныхъ нарочно лавкахъ, покрытыхъ кошмами, примкнувшись къ кибиткѣ покойника концами. По срединѣ собранїя разосланы были такъ же кошмы, на которыхъ возлежали ближайшїе сродники умершаго, обставившись

турсуками, наполненными кумызомъ. Самый уголъ треугольника занималъ старшина: по бокамъ его сидѣли двое Мулловъ, которые начинали просительныя молитвы за умершаго; прочее же собраніе вмѣсто крылашанъ подтягивало. Сіе ихъ богомольное пѣніе продолжалося около часа по нашемъ пріѣздѣ. По окончаніи молитвъ начался дѣлежъ кумыза. Тутъ всякъ тянулъ его большими чашами; да и намъ предложенъ былъ сей Башкирскій нектаръ: но мы отъ него отказалися, что Башкирцамъ подало поводъ нѣсколько на насъ роптать. По окончаніи кумыза началось поминальное пиршество, въ которомъ всякій прихожій имѣлъ участіе. Конина и Бишъ Бармакъ[a] главныя составляли перемѣны. Всякъ (С. 107) изъ гостей наполнялъ брюхо свое алчно. Тутъ не было нужды въ пріуготовленіи многой посуды. Всѣ гости довольствовалися четырьмя хлѣбными чашами, въ которыя накрошивъ мяса, таскали щепотью... Старшина и приближенные къ нему особливую имѣли почесть. Всякій изъ собесѣдниковъ, желающей услужить старшинѣ своему, захватывая щепоть Бишъ Бармака или рѣзаннаго мяса, клалъ ему въ ротъ. Едва успѣетъ онъ проглотить одну щепоть, какъ уже другій... готовится ему вложить другую подачу. Сколь нестройно сіе обыкновеніе, однако у Башкирцовъ за честь вмѣняется. Послѣднею перемѣною служила мясная похлебка, которую Башкирцы чашами пили; и выпивъ благодарили Бога, а по томъ и хозяина за угощеніе.

По окончаніи стола гости столь были неучтивы, что хозяину и на ужину ничего не покинули. Всякій, кто что захватить могъ, (С. 108) тащилъ домой или тутъ же одѣлялъ малыхъ ребятъ,

---

[a] Бишъ Бармакъ, самая лучшая Башкирская пища, произходитъ отъ слова *Бишъ* пять и *Бармакъ* палецъ, и состоитъ въ мѣлкоизрубленныхъ кускахъ лошадинаго, коровьяго или овечьяго мяса, и Салмы. Салма дѣлается изъ крутаго тѣста пшеничной, ячменной или полбенной муки, которое, раздѣляя на куски величиною съ мѣдной пятикопѣешникъ, варятъ въ одномъ котлѣ съ мясомъ такъ, какъ у насъ клюцки.

которые около пиршества съ чашками шаталися. Такимъ образомъ отправляются у нихъ великолѣпныя пирушки, къ которымъ гости съѣзжаются не по зову, но по общей въ улусѣ повѣсткѣ. Страннѣе всего казалося намъ ихъ жадничество и проворство, съ какимъ они другъ передъ другомъ мясо таскали. Подводчикъ нашъ, дѣтина молодой, такъ напихалъ свой желудокъ, что съ нуждою могъ взлѣзть на лошадь; и какъ мы ему смѣяся выговаривали, что онъ отъ жадничества вредитъ своему здоровью; то онъ отвѣчалъ: что такїе праздники у нихъ рѣдко бываютъ; и такъ надобно нагрузить свой желудокъ въ запасъ: а кто на пиршествѣ мало ѣстъ, того и за гостя не почитаютъ.

Старшина Илишъ со всѣми своими собесѣдниками сдѣлалъ намъ поздравленїе; а до того и говорить не хотѣлъ. Онъ представлялъ намъ своего молодаго зятя, который не давно выбѣжалъ изъ Киргисъ Кайсаковъ, и который по истиннѣ и взоромъ и приемами отъ Башкирцовъ много разнился, весьма уклонливъ и подобострастенъ; но настоящей Башкирской учтивости намъ оказать не могъ, по тому, что онъ принужденъ былъ разговаривать съ нами въ шапкѣ: ибо онъ при старшинѣ не хотѣлъ обнажить своей головы, по тому, что при женниныхъ сродникахъ обнажать свою голову за непристойное почитается.

(С. 109) Откланявшись Башкирцамъ, поѣхали мы въ провожанїи всѣхъ сродниковъ въ старшинской улусъ; и хотя невелико было разстоянїе до его кочовки, однако намъ долго показалось обращенїе съ шумными Башкирцами. Всякїй изъ нихъ не только смѣло, но можно сказать, и нагло къ намъ подъѣзжая, дѣлалъ разные вопросы, касающїеся до порученнаго намъ дѣла, примѣшивая тутъ тѣ тягости, какїя они при Брагинскихъ разработкахъ сносить принуждены были, и другое сему подобное. Хотя старшина Илишъ старался насъ угостить и честить возможнымъ образомъ: но его угощенїе было не по нашему брюху; и мы только желали, чтобы скорее насъ снабдилъ провожатымъ. Онаго вскорѣ намъ представили, но не къ

большему нашему удовольствїю. Башкирецъ сей назывался Чюряшъ Мергянъ, который главнымъ былъ зачинщикомъ Бурзянскаго бунта, и изъ своихъ рукъ убилъ часто упоминаемаго каменосѣчца Брагина. Самая большая, и важнѣйшая почесть мнѣ отъ старшины состояла въ томъ, что онъ приказалъ подъ меня осѣдлать собственную свою лошадь: ибо сїя честь у нихъ за особливую и важную почитается. Къ сему онъ прибавилъ и то, что не смотря на сильной дозжикъ, согласился быть нашимъ провожатымъ до Кочовки старшины Трухменя. Чюряшъ Мергянъ, будучи всегда при Брагинѣ, зналъ его всѣ работы, изъ которыхъ онъ за важнѣйшую почиталъ при деревнѣ по его (С. 110) имени Чюряшъ Мергянъ прозываемой, въ 25 верстахъ отъ вершинъ Сакмарскихъ, а отъ Кочовки Трухменевой въ 30 верстахъ. Любопытство, или лучше сказать долгъ, повелѣлъ намъ и на семъ побывать мѣстѣ...

(С. 111) ...Возвращаяся къ нашему стану, увидѣли множество осѣдланныхъ лошадѣй, которыя насъ заставили думать, что и въ кочовкѣ старшины Трухменя отправляется поминовенное пиршество. Но бывшїе Башкирцы въ провожатыхъ, предупреждая наши мысли, сказали, что собравшїеся Башкирцы принадлежатъ къ кочовкѣ старшины Трухменя, и собралися намъ въ угожденїе. Отвѣтъ ихъ для насъ былъ тѣмъ страннѣе, что вся кочовка не болѣе четверти версты пространства занимала. Но Башкирская привычка и изобилїе лошадей сдѣлала ихъ тупоногими, такъ что Башкирецъ за важной походъ почитаетъ, когда ему должно будетъ около версты пройти пѣшкомъ.

По приѣздѣ нашемъ въ улусъ, старшина Трухмень встрѣтилъ насъ съ отмѣнными своего улуса Башкирцами; и подошедъ съ обыкновенною Башкирскою учтивостїю, просилъ дозволенїя сдѣлать для насъ Башкирское пиршество. На прозьбу его мы тѣмъ охотнѣе согласилися, что надѣялися при семъ случаѣ видѣть особливую ихъ веселость.

Походная наша палатка казалася имъ прелестнѣйшимъ мѣстомъ для пированія. Старшина и братъ его занимали по обѣ стороны первыя мѣста; а другіе Башкирцы безъ разбору чиновъ сидѣли по сторонамъ. Лучшихъ Башкирцовъ подчивали мы простою сивухою, которую нарочно съ собою для ихъ братьи брали. Однако (С. 112) они весьма мало къ ней имѣли охоты. Были и такіе, которые и отвѣдать ее не хотѣли, и со всемъ не знали въ ней, какъ говорятъ, вкусу[a]. Съ Башкирской стороны перьвой напитокъ составлялъ медъ, который отъ кислости непріобыкшимъ вязалъ ротъ; а имъ слаще патоки казался[b]. Не прошло четверти часа, какъ они нарочитую охолостили бочку. За медомъ слѣдовалъ кумызъ. Тутъ всякій, желающій имѣть участіе въ пиршествѣ, приносилъ столько кумызу, сколько въ юртѣ его сыскаться могло; и вся наша палатка вскорѣ наполнилася кожеными бочками и вѣдрами, наполненными Башкирскимъ нектаромъ. Подчиванье поручено было двумъ молодымъ Башкирцамъ, изъ которыхъ одинъ наливалъ, а другій подносилъ. Башкирцы при подчиваньѣ, а особливо лучшіе, такъ же жеманятся: но отговорка ихъ бываетъ недолговременна, (С. 113) и съ приумноженіемъ труда подносчику: ибо подносчику надлежитъ, ставъ на цыпки, одною рукою держать чашу, а другою поддерживать локоть піющаго и держащагося такъ же за чашу Башкирца, и такъ Башкирцу почти лить кумызъ въ глотку.

---

[a] Сіе разумѣть должно о Башкирцахъ, живущихъ внутрь Башкиріи и отдаленныхъ отъ другихъ селеній.

[b] Медъ Башкирцы не варятъ, но ставятъ; и онъ у нихъ обыкновенно въ одинъ день поспѣваетъ. Медъ сырецъ разводятъ они на теплой водѣ, прибавляя къ тому нѣсколько дрожжей, *курдчинъ* прозываемыхъ, которыя изъ ячменныхъ или просяныхъ крупъ слѣдующимъ дѣлаются образомъ. Разваривъ извѣстное число крупъ на подобіе каши размазни, кладутъ туда ложки двѣ или три пивныхъ дрожжей, и поставивъ въ теплое мѣсто дожидаются, пока размазня начнетъ бродить, на которую послѣ наливаютъ сыту.

Кумызъ смѣшавшися съ медомъ вскорѣ сдѣлалъ Башкирцовъ шумными. Тутъ они гораздо стали быть свободнѣе и отважнѣе, и вдругъ предсталъ Башкирскїй музыкальный хоръ, состоящїй изъ чебызги и изъ варгановъ. Ихъ посадили среди собранїя; и всѣ Башкирцы съ восторгомъ слушали разногласящую... сїю музыку; а двое изъ собесѣдниковъ подбашивали, мыча себѣ подъ носъ: и тотъ въ подбашиваньѣ получалъ преимущество, который однимъ духомъ болѣе мычать могъ.

Башкирцы, по видимому, желая намъ показать всѣ свои увеселенїя, представили и вокальную музыку. Старикъ летъ въ 60 за лучшаго у нихъ тогда пѣуна почитался, котораго, правду сказать, и мы не безъ удовольствїя слушали. Намъ не столь прїятенъ былъ дубовый его голосъ, какъ тѣлодвиженїя. Онъ пѣлъ славныя дѣла своихъ предковъ, которыхъ они батырями называютъ, между коими Алдаръ, Кара Сакалъ, Кильмятъ, Кучимъ и проч. были первенствующїе[a]. Пѣунъ нашъ припѣвалъ не только (С. 114) все ихъ жизни достопамятное; но голосомъ и тѣлодвиженїями выражалъ всѣ ихъ дѣйствїя, какъ они увѣщали своихъ товарищей, какъ выступали въ бой, какъ поражали противниковъ какъ обремененные ранами ослабевали и послѣднїй изпускали духъ. Все сїе такъ живо выражалъ старикъ, что многїе изъ собесѣдниковъ плакали. Но вдругъ печаль перемѣнилася на радость, какъ старикъ, взявши на себя веселой видъ, запѣлъ пѣсню называемую *карай юрга* (карей иноходецъ). Пѣсня сїя у нихъ за самую веселую почитается. Старикъ, припѣвая сїю пѣснь, ударилъ и въ три ноги: и тогда открылся Башкирскїй балъ. Въ пляскѣ своей Башкирцы много кобенятся, и стараются такъ же тѣлодвиженїемъ выражать слова въ пѣсни содержащїяся.

По окончанїи бала завели они другое, что можно назвать передражниванїемъ. Они голосомъ своимъ подражали крику

---

[a] Башкирцы, мало сведущїи въ письменахъ, дѣла своихъ предковъ по большой части сохраняютъ въ пѣсняхъ.

какъ звѣрей, такъ и разныхъ птицъ, и такъ удачливо, что съ трудностїю разпознать можно было крикъ настоящей птицы отъ Башкирскаго.

Конецъ пиршества составляло военное ихъ упражненїе. Они мѣтили стрѣлами какъ въ поставленную цѣль, такъ и въ Башкирцовъ, которые столько имѣли проворности, что въ извѣстномъ разстоянїи могли увертываться отъ пущенной стрѣлы. Иные пускали стрѣлы стоя на землѣ, а удалые разскакавшись во всю конскую прыть мѣтили стрѣлою въ поставленной (С. 115) предмѣтъ. Въ семъ увеселенїи имѣли участїе одни Башкирцы; а Башкиркамъ въ веселыхъ пиршествахъ, особливо при приѣзжихъ людяхъ, быть не дозволяется: но онѣ были только зрительницами ихъ рыцарства, да и то издали. Хотя Башкирцы разошлися съ пиру нарочито шумны; однако послѣ не слышно было никакихъ между ними раздоровъ. Можетъ быть сїе было отъ опасенїя: иначе, сказываютъ, рѣдкое у нихъ пиршество безъ драки проходитъ. Въ прочемъ всякому видно, что ихъ забавы весьма сходны съ образомъ ихъ житїя.

Изъ кочовки старшины Трухменя поворотили мы прямо на рѣку Бѣлую, и переѣзжая чрезъ рѣчку Кюрка Тау, на невысокомъ увалѣ, по теченїю рѣки на лѣвой сторонѣ, примѣтили вѣ кварцѣ золотую чернь. Оттуда пробиралися лѣсистыми мѣстами до рѣчки Битря, которая въ Уральскомъ хребтѣ начало свое имѣетъ и соединяется съ Сакмарою. Отъ Трухменевой кочовки почитается до нее 40 верстъ. При оной рѣчкѣ имѣли мы свою ночовку, переѣхавъ на срединѣ пути другую рѣчку Бишъ-Кулунъ называемую, которая такъ же выходитъ изъ Урала и соединяется съ Сакмарою.

Девятаго числа продолжали нашъ путь такъ же по лѣсамъ чрезъ 50 верстъ до кошей старшины Клянчю прозываемаго. Въ семъ проездѣ въ двадцативерстномъ разстоянїи переѣзжали чрезъ вершины рѣчки Яикбая, (богатая рѣчка), впадающей въ Еманъ Жилгу, (С. 116) (худую рѣчку), и чрезъ вершины рѣчки

Кайкабара, отстоящія отъ Яикбая въ 10 верстахъ. Теченіе ея не дальное. Она впадаетъ въ Еманъ Жилгу, которую мы, не доѣзжая до кошей старшины Клячну, переѣзжали три раза бродомъ; да и самыя коши стояли при одной Еманъ Жильгинской вершинѣ: ибо она до 10 вершинъ имѣетъ, которыя соединяясь въ одинъ протокъ изливаютъ свои воды въ рѣку Узень, впадающую въ Бѣлую.

Десятаго числа путь нашъ былъ гораздо затруднительнѣе перьвыхъ дней. Чѣмъ мы ближе подъѣзжали къ рѣкѣ Бѣлой, тѣмъ болѣе горы возвышалися. Къ обѣду выѣхали мы на рѣку Кагы называемую, которая нарочито велика и чрезмѣрно быстра: однако почти вездѣ ее можно переѣзжать бродомъ. По обѣ стороны были весьма высокія горы, отъ которых небольшія пади представляли тучныя луга. Горы всѣ покрыты были изряднымъ краснымъ лѣсомъ, где наипаче лиственица изобиловала. Сколь изрядный былъ по горамъ лѣсъ, столь и изящныя на нихъ росли травы, и мы лучшее собраніе травъ симъ горамъ долженствовали.

Засуха, которая прошедшимъ лѣтомъ въ здѣшней была странѣ, наиболѣе утѣсняла горныхъ Башкирцовъ, которые по недостатку ильмоваго дерева кормили свой скотъ сосновою корою, отъ чего немалый вредъ причиненъ лѣсу; да и скота большая часть отъ сего корму погибла...

(С. 137) ...Въ 15 верстахъ отъ Бѣлорѣцкаго завода кошевалъ тогда богатѣйшій старшина изъ Башкирцовъ, Баимъ Тарханъ прозываемый. Его хотѣли мы посѣтить въ томъ намѣреніи, не найдемъ ли чего въ немъ противъ другихъ Башкирцовъ (С. 138) отмѣннаго, но Башкирецъ вездѣ Башкирецъ: вся разность состояла, въ томъ, что онъ имѣя великіе конскіе табуны, болѣе другихъ Башкирцовъ могъ разкошествовать кумызомъ.

Верстахъ въ 50 отъ Бѣлорѣцкаго завода отстояла гора Еманъ Тау (злая, худая гора), которую мы такъ же посѣтили. Гора сія принадлежитъ къ Нагайской дорогѣ, между высочайшими

хребтами почитается, и для всегдашняго снѣгу, верьхъ горы покрывающаго, злою прозвана отъ Башкирцовъ. Высочашиїй верьхъ горы сея составляетъ болото и большїя лужи. Изъ нее выходятъ пять немалыхъ Уральскихъ рѣкъ. На западъ течетъ Юрезенъ, который потомъ склоняяся на полдень соединяется съ Уфою. Верстахъ въ 30 повыше Ельдяцкой крѣпости, между западомъ и полуднемъ протекаютъ два Юрезеня, большой и малой, которые, соединяся вмѣстѣ и поворотя на востокъ, верстахъ въ 40 отъ Табынска впадаютъ въ рѣку Симъ, изливающую свои воды въ рѣку Бѣлую между Табынскимъ и Уфою...

(С. 142) ...29 числа остановилися мы противъ самой горы Ирямялъ Тау, дабы будучи въ ея сосѣдствѣ тѣмъ удобнѣе съ нею познакомиться: но Башкирскїя суеты сдѣлали намъ въ сей день отдыхъ. Они собиралися тогда противъ взбунтовавшейся (С. 143) части Киргизцовъ, прорвавшихся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ Яицкую линїю. При семъ случаѣ могли мы ихъ видѣть во всемъ воинскомъ снарядѣ. Стройное ихъ ополченїе во всемъ съ казацкимъ сходствуетъ: каждый изъ нихъ имѣетъ по двѣ лошади осѣдланныхъ, дабы въ случаѣ нужды въ дальной путь пуститься можно и запастися нужнымъ припасомъ. Оружїе ихъ наиболѣе составляютъ стрѣлы и копья; а ружья рѣдкїе имѣютъ. Толпы свои означаютъ значками и раздѣляются во всемъ по казацкому уставу. Всего прїятнѣе было смотрѣть на ихъ неустрашимость и охоту, съ какою они шли противъ своихъ непрїятелей. Бурзянскїй бунтъ, въ которой они много отъ Киргизцовъ претерпѣли, и по сїе время содержитъ въ нихъ вкорененную къ Киргизцамъ ненависть.

Управившися въ своихъ дѣлахъ Башкирцы, 29 числа повели насъ на Ирямалъ Тау. Хотя она казалася намъ не далѣе верстъ 6 быть отдалена; но мы принужденными находилися объѣзжать до 28 верстъ: ибо ее отвсюду окружали болота такъ, что только по хребтамъ горъ и по лѣсамъ объѣзжать къ ней можно. Три разныя

горы подъ симъ разумѣются именемъ, изъ которыхъ самая средняя собственно называется Ирямялъ Тау. Съ возточной стороны на нее удобный и не весьма трудный взъѣздъ, покрытый небольшимъ, однако частымъ лѣсомъ. Взъѣздъ сей составляетъ около 300 саженъ. Въ ономъ повсюду (С. 144) журчали прозрачныхъ водъ источники, которые по томъ соединяяся составили двѣ чрезмѣрно быстрыя и нарочито широкія рѣчки, Агазытъ и Аунятъ, которыя, протекши верстъ съ 15 впадаютъ въ Бѣлую.

Хребетъ Ирямялъ Тау представляетъ обширную и ровную площадь: съ полуденной стороны омывается она водами подошедшей рѣки Юрезеня; на сѣверную сторону составляетъ отмѣнную гору, которую за верховицу Ирямяла почесть можно. Она въ вышину саженъ на сто, и представляетъ обрушившуюся горы громаду: ибо все сїе возвышенїе состоитъ изъ квадратнаго разной величины камня. Самая верьховица плоска, однако водяна и болотиста; и повсюду большїя видны рытвины и колужины наполненныя водою. Изподъ ея къ полудню, какъ бы нарочно отдѣлилъ отъ себя поперешный валъ, соединяющїйся съ противулежащею горою Авелякомъ, въ полуверстномъ разстоянїи. Все сїе пространство занимаетъ топкое болото, на которое безъ опасности спуститься не можно, и изъ котораго рѣка Бѣлая главнѣйшїй свой имѣетъ истокъ.

Пасмурное время не дозволило намъ наслаждаться тѣми взора увеселенїями, какїя мы тутъ имѣть бы могли. Я прежде упоминалъ, что всѣ Уральскїе истоки изъ высокихъ мѣстъ и изъ горъ, болотины представляющихъ, начало свое имѣютъ; по чему неотмѣнно нужно теперь сказать: откуду (С. 145) на вышину горъ вода забирается. О семъ ученые люди различно думаютъ: иные представляютъ себѣ подземные каналы, по которымъ вода пробираяся доходитъ до источниковъ, и въ разныхъ мѣстахъ пробивая земную поверхность, составляетъ истоки рѣкъ. Другїе равные же вымыслили проходы съ тѣмъ

различїемъ, что вода дошедъ до угористыхъ мѣстъ, силою подземнаго огня раздѣляется на пары, и оными поднявшись въ верьхъ, при верьховьяхъ горъ въ разсѣлинахъ и пустошахъ паки собирается въ капли, которыя соединяяся во едино составляютъ ручей или рѣчной истокъ. Дѣло не мое утверждать, или опровергать сїи мнѣнїя: безъ меня о семъ цѣлыя написаны книги, и мнѣ только остается сказать, что гора Ирямялъ многїе показывала доводы, чтобы утвердиться на мнѣнїи тѣхъ, которые морскимъ парамъ, производящимъ источники рѣкъ, воздушную опредѣлили дорогу. Они думаютъ, что морская вода поднявшися парами носится по всему земному шару, которые дошедъ до угористыхъ мѣстъ опускаются какъ въ холодномъ мѣстѣ, и скопяся составляютъ вершины рѣкъ. Что пары въ холодномъ мѣстѣ сгущаться и опускаться должны, у насъ простые и повседневные опыты видимъ зимою. Всякъ знаетъ, что въ топленомъ покоѣ въ крѣпкїе морозы окончины замерзаютъ съ нутри, а не съ наружи; ибо водные пары, въ покоѣ содержащїеся, стремятся къ стекламъ, какъ (С. 146) къ холодному мѣсту, и тамъ приставъ отъ стужи замерзаютъ. Но что на вершинахъ должно быть холоднѣе, нежели на ровныхъ мѣстахъ, всякъ собою чувствуетъ, кто на горѣ бывалъ; да и всегда лежащїя на высокихъ хребтахъ снѣги ясно всякаго увѣрить могутъ. Сїе на перьвой взглядъ какъ бы противуборное явленїе изпытатели естества толкуютъ изъ разнаго свойства солнечныхъ лучей. Они доказываютъ, что на ровномъ мѣстѣ мы пользуемся двоякими лучами, то есть прямыми и отъ поверьхности земной преломленными, которые до вышины горъ досягнуть не могутъ.

Ирямялъ Тау, кажется мнѣ, во всемъ соотвѣтствовала сему о произхожденїи источниковъ мнѣнїю. Верьхъ ея по большой части всегда покрытъ бываетъ густымъ туманомъ; и кочующїе Башкирцы единогласно увѣряютъ, что при сей горѣ рѣдко они видятъ ясные дни, но всегда или дожди, или не рѣдко среди самаго лѣта снѣги. Самая болотистая Ирямяля вершина, кажется,

оправдаетъ Башкирскія сказанія. Мнѣ думается, что и различіе рѣкъ можно призвать сему во свидѣтельство. Самыя знатнѣйшія рѣки выходятъ изъ Еманъ Тау и Ирямяля: напротивъ того чѣмъ ниже гора, тѣмъ менѣе изъ нее истокъ. Правда: хотя не можно сего утверждать вовсе; ибо нерѣдко низменныя горы или мѣста не малыя производятъ рѣки...

(С. 149) ...Въ центрѣ Оренбургскаго Урала случилося намъ быть въ средилѣтнее время, въ которое у Башкирцовъ, такъ сказать, бываетъ расть всѣхъ ихъ изобилій. Но какъ и между нашими простаками нерѣдко отлагаются отмѣнныя пирушки до дешеваго, какъ они говорятъ, времени; то и у Башкирцовъ отмѣнныя пированія отправляются тогда, когда ихъ кумызъ въ совершенномъ бываетъ довольствіи. Главныя ихъ пированія примѣчаются при свадебныхъ обрядахъ. Башкирцы, будучи одновѣрцы съ Татарами, и въ (С. 150) свадебныхъ обрядахъ почти во всемъ съ ними сходствуютъ и поступаютъ такъ.

Сватаютъ сперьва чрезъ постороннихъ людей; и когда отцы съ обѣихъ сторонъ согласны бываютъ, требуется неотмѣнно и соизволеніе дѣтей, а особливо женскаго полу: по чему невѣстинъ отецъ въ присутствіи многихъ постороннихъ людей спрашиваетъ у своей дочери: любъ ли ей женихъ и проч. Согласный, или отказный отвѣтъ все рѣшитъ дѣло. Тогда пойдетъ договоръ о калымѣ, который иногда до 200 рублей простирается, и на которой невѣстинъ отецъ закупаетъ дочерѣ своей все нужное платье.

Платье у Башкирцовъ отмѣнно бываетъ отъ Татарскаго. Они въ праздничные дни носятъ суконные кафтаны разныхъ цвѣтовъ и разной доброты, сшитыя на подобіе халата, типканъ называемые, и по краямъ въ два ряда унизываютъ бисеромъ, а иногда напереди укладываютъ онымъ и петлицы. Сіе составляетъ ихъ всю верьхнюю и нижнюю одежду; и рѣдко можно примѣтить какую изподницу, какъ то у Татарокъ бушметъ, и проч. Но ближайшее къ тѣлу одѣяніе составляетъ одна длинная

и толстая рубашка. Головный ихъ уборъ такъ же, какъ и у Татарокъ, называется кашпау; и вся разность состоитъ въ томъ, что кромѣ сего кашпау надевается еще вершокъ, фигуру конуса имѣющій, которой по произволенію складывать и накладывать можно. Отъ кашпау съ (С. 151) зади попускается лопасть, унизанная серебряными копѣйками, которая такъ же со всемъ сходна съ Татарскою у живущихъ Башкирокъ по Нагайской дорогѣ; а по Сибирской дорогѣ кочующія нѣсколько разнятся. Онѣ кромѣ задней отъ Кашпау лопасти *(кашпау кайрюкъ)* попускаютъ во всю спину широкую лопасть, унизанную такъ же серебряными копѣйками и бисеромъ съ многими подвязками, и называютъ *Амьянъ.* Лаптей ни Башкирки, ни Башкирцы никогда не употребляютъ; но носятъ въ Уфимскомъ уѣздѣ упоки собственнаго кожевничества, а въ Исетской провинціи бахилы, у которыхъ только кайма у головъ коженая, а прочее все суконное.

Когда о калымѣ сговорятся, то невѣстинъ отецъ безъ дальныхъ затѣй прочитавъ только молитву, сажаетъ невѣсту съ женихомъ за особливой занавѣсъ; и съ той поры женихъ, пока совершенно не выплатитъ калыма, получаетъ право посящать свою невѣсту такъ, какъ и у Татаръ, и ходитъ за пазуху.

Для пазушнаго посѣщенія дѣлаютъ Башкирцы особливыя юрты, куда невѣста, услыша пріѣздъ своего жениха, съ подругами своими и ближайшими сродниками приходитъ...

(С. 152) ...По выплаченіи калыма женихъ получаетъ совершенную власть надъ невѣстою своею таким же порядкомъ, какъ и у Татаръ. Въ послѣдній день невѣстина у отца пребыванія бываетъ обыкновенное Башкирское пиршество, во время котораго невѣста обходитъ всѣ кибитки въ кошѣ находящіеся, и прощается съ женскимъ поломъ. Она въ то время всегда имѣетъ закрытое лице платомъ или кружевною сѣткою, и окружена толпою своихъ подругъ, которыя безпрерывно жалостнымъ восклицаютъ голосомъ. Тутъ совершаются у нихъ и законные обряды чрезъ Муллу, и женихъ со своею роднею уѣзжаетъ въ

свой улусъ или кибитку. Невѣсту снаряжаютъ на дорогу со всемъ приданымъ, и отвозятъ верьхомъ до женихова жилища. Подруги, проводивъ нѣсколько отъ кошей, возвращаются въ свои жилища; а при невѣстѣ остаются ближайшїе сродники и сваха, которая по приближенїи къ женихову дому ведетъ невѣстину лошадь подъ уздцы, и не въ дальномъ разстоянїи кричитъ во весь голосъ, съ какимъ она товаромъ приѣхала и какой цѣны онъ стоитъ. Тутъ жениховъ отецъ или сродники принуждены бываютъ торговаться со свахою и выкупать невѣсту изъ ея рукъ какимъ ни будь подаркомъ, на примѣръ, лошадью, или другимъ чѣм. Какъ сговорятся о подаркѣ, сваха вручаетъ поводъ высланнымъ отъ свекора женщинамъ такимъ же образомъ, какъ у насъ при покупкѣ лошадей случается; то есть: сваха беретъ (С. 153) поводъ въ кафтанную полу, и высланные принимаютъ поводъ полою же. Предъ дверьми невѣста слазитъ съ лошади; и тутъ берутъ ее подъ руки двѣ ближайшїя сродницы съ жениховой стороны и вводятъ въ домъ. Невѣста, какъ скоро увидитъ свекора или свекровь, или вмѣсто ихъ ближайшихъ мужа сродниковъ, съ величественнымъ видомъ становится на правое колѣно и кладетъ руку на руку на лѣвомъ колѣнѣ. По совершенїи сего поклона, подымаютъ ее подрушницы, и отводятъ три шага, гдѣ она паки должна сдѣлать такое же поклоненїе, и сїе повторятъ до трехъ разъ. Послѣ чего уводятъ ее за занавѣсъ, и начинаютъ пиръ, при которомъ молодой не бываетъ, но и сїе время употребляетъ на забавы съ холостьбою, какъ бы прощаяся съ холостою вольностїю; и къ молодой своей женѣ уже ночью, и то тайно, приходитъ. Пиршество у нихъ продолжается дни по три и болѣе: и тогда новобрачныхъ надѣляютъ всякъ по своей возможности.

Новомужныя Башкирки съ начала бываютъ весьма стыдливы, а особливо при приѣзжихъ постороннихъ, или своихъ старшихъ сродственникахъ. Онѣ тогда оборачиваются всегда въ уголъ, и сколько можно прячутъ свое лице; и когда гости обсидятся и затихнутъ, тогда каждому отвѣшиваетъ по

вышеписанному поклону. Въ разговоръ съ старшими никогда не вступаютъ, но совершенное наблюдаютъ молчанїе, оборотяся въ уголъ. (С. 154) Новозамужную Башкирку кромѣ сего и по тому узнать можно, что онѣ на головѣ сверьхъ своей кашпау привязываютъ согнутой лисїй или другой какой малахай.

Въ разсужденїи родинъ и похоронъ Башкиры съ Татарами схожи; но воспитанїе дѣтей много разнится. Башкирцы рѣдко обучаютъ дѣтей своихъ грамотѣ: по чему и Абызы у нихъ бываютъ по большой части приѣзжїе Татара изъ Уфимскаго и Казанскаго уѣзду. Первое у малолетныхъ упражненїе стрѣлянїе изъ луковъ и конская ѣзда; а дѣвушки упражняются въ скотоводствѣ и домашнихъ подѣлкахъ. Прочее содержанїе дѣтей весьма нерадиво и неопрятно, отъ чего малолѣтные наружнымъ тѣлеснымъ нечистотамъ, подвержены бываютъ.

Для младенцовъ дѣлаются у нихъ простыя и съ образомъ ихъ житїя сходственныя люльки изъ березовой коры (Рис. 3), которую улаживаютъ на подобїе челна или лотки А, укрѣпляя оную по краямъ таловымъ прутьемъ. Съ наружи и въ нутри ВВ въ головашкахъ, гдѣ младенцовой груди быть надлежитъ, съ обѣихъ сторонъ продѣваются въ нутри по двѣ петли СССС. Въ ногахъ подобныя же двѣ петли продѣваютъ DD. Сими петлями прикрѣпляютъ грудь и ноги младенца, чтобы изъ люльки не могъ выпасть. За таловину прикрѣпленную къ боку утверждаютъ ремень или покромъ Е, который надѣваютъ черезъ плечо. Такимъ образомъ Башкирка ѣдучи (С. 155) верьхомъ, спокойно можетъ вести и кормить грудью своею младенца; да и младенецъ будучи привязанъ, изъ люльки вывалиться не можетъ, хотя бы лошадь споткнулася, или другой бы какой случился толчокъ.

Башкирскїя свадьбы, кромѣ веселаго препровожденїя времени, были намъ не безполезны. Великое Башкирское собранїе сообщило намъ разныя извѣстїя, и тутъ мы получили нехудыхъ между ими рудныхъ промышлениковъ, изъ которыхъ главнѣйшїй прозывался Умѣрь Ямышевъ, житель Исетской

провинціи, и извѣстный между Башкирцами лазака за рудами. По его и товарищей его совѣтамъ оставили мы обыкновенную дорогу, и сдѣлали особливую поѣздку верьхами....

(С. 171) ...Разставшися съ Башкирцами, продолжали нашъ путь вдоль по Уралу, въ которомъ мы самобольшія находили затрудненія при сильныхъ и безпрестанныхъ дождяхъ, отъ которыхъ и самомалѣйшія Уральскія рѣчки были намъ немалымъ препятствіемъ. Отъѣхавъ верстъ съ 10, приближилися къ рѣкѣ Аю, за которою не беззнатный зауральскій хребетъ, въ длину верстъ на 5 простирающійся, Уранги (кленовый) прозываемый, находится. Изъ сего хребта вытекаетъ не малая рѣчка Раки, которая протекши верстъ съ 10, соединяется съ рѣкою Аемъ. Верстахъ въ 30 отъ сей горы видѣнъ был другій небеззнатный зауральский хребетъ Жюрякъ Ташъ (гора сердце), который такъ прозванъ по круглому холму, по срединѣ хребта находящемуся. При подошвѣ сего хребта видно пространное озеро, въ окружности верстъ съ 10 составляющее, изъ котораго вытекаетъ быстрая рѣчка Сатки, впадающая въ Ай. Третій знатнѣйшій хребетъ составляла гора Узянгуръ, изъ которой вытекаетъ рѣчка Булкагылышъ и Тибисъ впадающія въ Ай съ правой стороны по ея теченію. (С. 172) Между сими рѣчками версты на 2 занимало озеро Штанышъ, подавшееся къ горѣ Уранги...

...При рѣчкѣ Сяульдиръ кочевалъ тогда знатный Башкирскій богачъ, Шукурь прозываемый, который для препровожденія времяни сдѣлалъ Башкирское собраніе, и будучи въ великихъ затѣяхъ показаться въ совершенной пышности Башкирскаго пиршества, нечаяннымъ случаемъ всѣ свои пріуготовленія оставить принужденъ былъ. Сынъ его мальчикъ лѣтъ въ 10, играя около кошей наступилъ на черную змѣю, (С. 173) которая его укусила. Не прошло получаса, какъ ногу у него чрезмѣрно раздуло, и въ укушенномъ мѣстѣ чувствовалъ малой великую боль, такъ что безъ крику ноги поворотить у него не можно было. Блѣдность покрывающая лице, пасмурныя глаза и

прерывчивое дыханіе, живо изображали ту опасность, въ какой онъ находился. Тутъ принужденъ я былъ вмѣшаться въ врачебную должность, и искать помощи въ походной моей аптекѣ и поварнѣ. Деревянное масло занимало мѣсто змѣинаго бальсама, а летучая соль составляла внутреннее врачеваніе; и могу сказать, что чрезъ ночь Башкиріонокъ былъ спокойнѣе. Объявленные припадки нѣсколько утихли. При семъ случаѣ упомяну я о нѣкоторыхъ отмѣнностяхъ, которыя Башкирцы сей змѣѣ приписываютъ.

Когда Башкирецъ такую убьетъ змѣю, то какъ бы скоро онъ куды ни ѣхалъ: не преминетъ слѣзть съ лошади и палочкою увязить змѣиную голову въ землю. Убивство змѣи почитаютъ они неотмѣнно нужнымъ для тѣхъ пакостей, какія они имъ самимъ и скоту наносятъ; а голову притыкаютъ къ землѣ для особеннаго мнѣнія. Они думаютъ; что къ убитой змѣѣ приходятъ ея товарищи, и приносятъ неизвѣстной имъ травы корешокъ, которой накладывая на раны паки змѣю оживотворяютъ. Сіе утверждаютъ они многими самовидцами, и думаютъ, что оный корень долженъ быть во всѣхъ (С. 174) болѣзняхъ болѣе дѣйствителенъ, нежели всѣ врачебные припасы.

Черная змѣя служитъ имъ такъ же врачебнымъ средствомъ въ той конской болѣзнѣ, которую они лихимъ называютъ. Въ такомъ случаѣ отрубаютъ змѣѣ голову; и когда она еще нѣкоторую въ себѣ имѣетъ живность, прикладываютъ къ ранѣ и сжимаютъ ротъ: потомъ немедлѣнно вводятъ лошадь въ холодную воду, и держутъ въ ней привязавъ до тѣхъ поръ, пока ее чрезмѣрная не пройметъ дрожь: и симъ способомъ, какъ сказываютъ, совершенно лошадей отъ лихова избавляютъ...

(С. 243) ...къ вечеру пріѣхали въ Башкирскую деревню Казылбаеву, стоящую на рѣкѣ Ай. До сихъ мѣстъ отъ самаго Красноуфинска живутъ хлѣбопашцы, и не втунѣ пользуются привольными мѣстами; да и самые Башкирцы на Аѣ переродилися. Они столь же хорошіе хлѣбопашцы, какъ и ихъ

сосѣди. На ключахъ изъ горы бїющихъ построена у нихъ изрядная мушная мельница. Домашняя чистота не менѣе у нихъ примѣчается, какъ у Мещеряковъ и другихъ ясашныхъ Татаръ. Пища у нихъ на Татарской образецъ; а которые позаживнѣе, держутъ и виноградные напитки, чай и кофе... (С. 244) На сей степень крестьянскаго совершенства возвела ихъ привычка къ пашнѣ и омерзенїе къ кошевой жизни. Скотомъ они столь же изобильны, какъ и другїе Башкирцы, и великая ихъ дача, состоящая въ привольныхъ для скотоводства мѣстахъ, довольна къ ихъ хлѣбопашеству и содержанїю скота. Хотя сїе небольшое Башкирцовъ сообщество можетъ служить своимъ единоплеменнымъ къ сельскому трудолюбїю примѣромъ; однако всю Башкирскую орду не мы, но наши внучата въ такомъ увидятъ порядкѣ: ибо въ 15 верстахъ отстоящая Башкирская деревня Субинакъ, такъ же въ 20 верстномъ разстоянїи живущїе Башкирцы въ деревняхъ Сальчугутъ, Магазаловой, при рѣчкѣ Лемязь Тропкильдѣ, на рѣчкѣ Челанышъ, еще въ совершенномъ Башкирскомъ живутъ неопрятствѣ, не смотря на то, что они не менѣе имѣютъ выгодъ ко всякому сельскому домостроительству, какъ и въ Казылбаевой живущїе Башкирцы: ибо рѣку Ай со всѣхъ сторонъ окружаютъ тучныя и ровныя поля, раздѣленныя мѣстами небольшими угорками. Но сколь Башкирцы нерадивы еще къ пашнѣ, столь нынѣ прилѣжатъ къ сѣнокосу: ибо чрезъ долговременную зиму глубокимъ снѣгомъ покрытую траву не всегда скотъ добывать можетъ, но требуетъ хозяйскаго прокорма. Сѣнокосъ ихъ такъ же весьма выгоденъ предъ другими мѣстами; ибо на околоуральскихъ равнинахъ (С. 245), а особливо на потовыхъ мѣстахъ, такъ высока растетъ трава, что ходящей лошади видѣть въ ней не можно. Сѣнокосъ Башкирцы отправляютъ или своимъ семействомъ, не выключая женскаго пола; или такъ же дѣлаютъ помочь, то есть, наваривъ мяса и накопивъ кумызу созываютъ своихъ знакомцовъ и подчиваютъ, которые за угощение помогаютъ хозяину косить. Сѣнокосной

инструментъ у Башкирцовъ такъ, какъ и у всѣхъ зауральскихъ жителей, составляетъ горбуша. Она гораздо уже и короче косы, и прикрѣпляется къ недолгой рукояткѣ, такъ что сѣнокосецъ долженъ наклоняться при каждомъ махѣ; отъ чего не только затруднителенъ бываетъ сѣнокосъ, но еще и не выгоденъ: ибо всей травы подъ корень никогда ею скосить не можно, и не мало на корню остается...

(С. 246) ...Въ 15 верстахъ отъ Шарыповой была Башкирская деревня Ахунова, стоящая при рѣчкѣ Бейжилга, впадающей въ Юрезенъ, въ которой жилъ съ другими Башкирцами Башкирскїй Ахунъ. Въ сей деревнѣ въ первой разъ увидѣли мы главу Махометанскаго духовенства изъ природныхъ Башкирцовъ, котораго можно счесть рѣдкостїю: ибо Ахунъ по ихъ обыкновенїю долженъ быть первенствующїй книжникъ: но Башкирцы болѣе охотники до кумызу, нежели до книгъ.

Ахунову деревню можно почесть нѣкоторымъ образомъ за предѣлъ тѣхъ привольныхъ мѣстъ, которыя между рѣками Уфою, Аемъ и Юрезенемъ находятся: ибо отъ сего мѣста равнины паки начали мало по малу превращаться въ горы, и при Чувашской деревне, по рѣкѣ Илекѣ Илекомъ прозываемой, за рѣкою Юрезенемъ горы нарочито возрасли. Въ сей деревнѣ построенъ изрядный кожевенный заводъ, на которомъ всякїя выдѣлываются кожи и шьется обувь...

(С. 251) ...Катавъ Ивановскому заводу сосѣдственны были самые высочайшїе Зауральскїе хребты, изъ которыхъ ближайшїй верстах въ 30 отстоялъ. На оной мы отправяся, въ четырехъ верстахъ отъ завода в верьхъ по рѣкѣ Авзяну, на правомъ берегу по теченїю видѣли изъ подошвы горы выбивающїе небольшїе ключики съ соленою водою, отъ которыхъ произошла топкая калужина. (С. 252) Мѣсто сїе весьма приманчиво для Башкирскихъ табуновъ. Лошади и рогатый скотъ верстъ за 30 и болѣе приходятъ и насыщаются сею водою, отъ чего окольный скотъ чрезмѣрно тучнѣетъ: что мы не безъ удовольствїя видѣли

въ Башкирской кочовкѣ, Муллакаева прозываемой, въ 15 верстахъ отъ завода.

Муллакаева кочовка была намъ подтвердителемъ той истинны, о которой при описанїи горы Ирямяля сказано было, и предвѣстницею окололежащихъ мѣстъ. Кочующїе близъ сихъ хребтовъ Башкирцы хотя были нарочито заживны въ разсужденїи другихъ Башкирцовъ; однако юрты ихъ съ наружи совершенную Башкирскую представляли бѣдность. Тутъ вездѣ разставлены были берестяные шелаши, въ которыхъ Башкирцы отъ воздушныхъ перемѣнъ искали себѣ защиты. Безпрестанный подъ горами туманъ и частые дожди обыкновенныя ихъ войлошныя юрты дѣлаютъ недолговременными и принуждаютъ ихъ скиляжничать...

(С. 253) ...Джигальга принадлежитъ къ знатнѣйшимъ Зауральскимъ хребтамъ, и простирается между восточною и полуденною стороною. Длину ея почитаютъ на день верховой ѣзды. Вышина ея описанной хребетъ Авалякъ превозходитъ. Въ трехъ мѣстахъ видны по ней великїя осыпавшагося камня громады, какъ бы отмѣнные холмы составляющїя, вышиною саженъ до 50. По всему хребту Аваляка мало ростетъ лѣсу; но самую вышину занимаютъ болотины. Тутъ на вышинахъ горъ изобилуютъ плоды, какїя самымъ топкимъ болотамъ приличествуютъ, какъ то клюква[a], брусника[b], голубика[c], и проч. Изъ концовъ ея вытекаютъ двѣ рѣки: изъ возточнаго конца произходитъ рѣка Токтанъ, впадающая въ Катай, а изъ полуденнаго рѣчка Калогазы, соединяющаяся съ Юрезенемъ...

(С. 264) ...Удалившїеся Башкирцы въ тогдашнее время къ своимъ зимовкамъ, и не охотно оставляя начатой свой сѣнокосъ, вездѣ великую дѣлали намъ остановку. Но сколь безлюдно было сїе мѣсто отъ Башкирцовъ, столь

---

[a] Vaccinium Oxycoccos
[b] Vaccinium Vitis idaea
[c] Vaccinium uliginosum, Linn

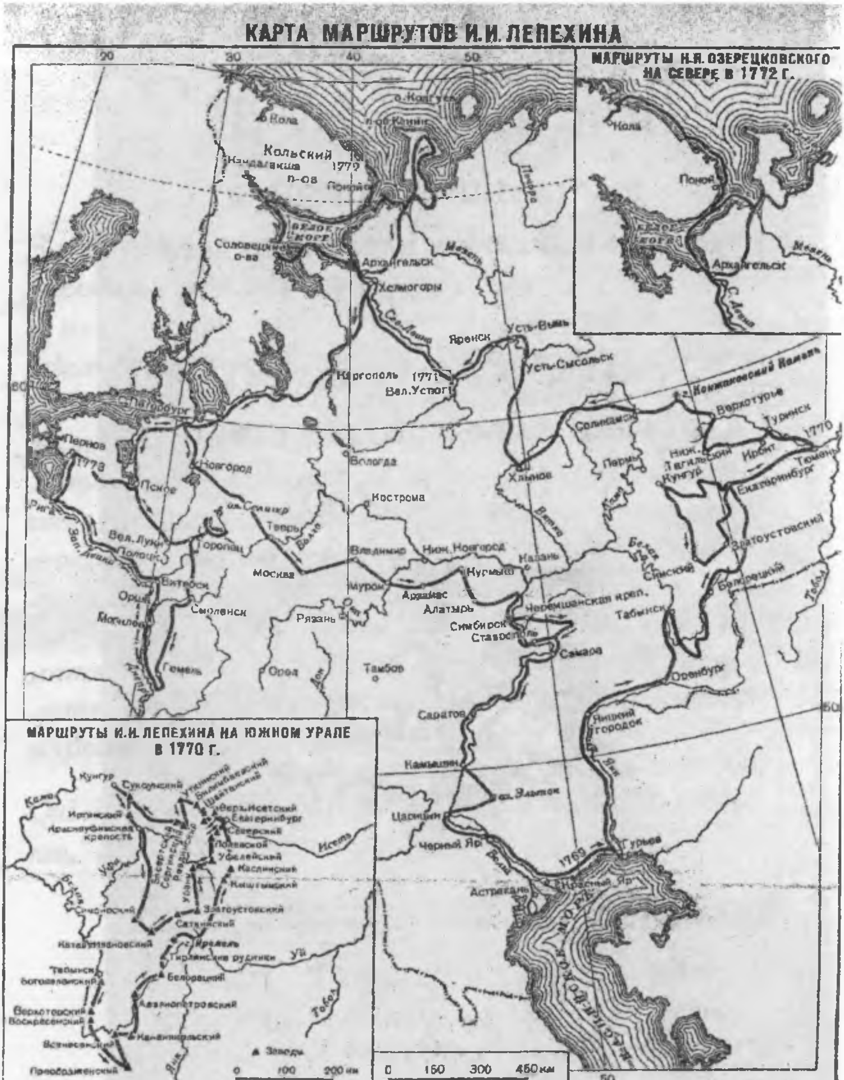
изобиловало приѣзжими изъ Сибирской губернїи. Великое изобилїе самопроизвольно по горамъ и по рѣкамъ растущего хмелю Сибирскихъ въ Уралъ приманиваетъ жителей; ибо ближняя часть къ Уралу Сибири, да и самая Исетская степовая провинцїя лишена сего растѣнїя. Окольные Уральскїе жители собираются артелями, и откупаютъ известную округу лѣсовъ и горъ у Башкирцовъ, въ которой бы имъ хмелевать (С. 265) можно было безъ опасности. Они такъ, какъ и въ другихъ промыслахъ, избираютъ себѣ одного, котораго называютъ становщикомъ, и который въ срединѣ откупленнаго мѣста дѣлаетъ шелашъ, и приуготовляетъ нужную пищу; а прочїе разъѣзжая по лѣсамъ собираютъ хмель. Для большей удобности въ собиранїи хмелю употребляютъ пайвы и пестери, которые не иное что суть, какъ два кузова, сплетеные изъ бересты (пестери) или изъ лыкъ (пайвы), соединенные между собою такимъ же плетнемъ, которое по срединѣ имѣетъ отверстїе, чтобы можно надѣть на заднюю руку, на подобїе переметныхъ сумокъ. И такъ онъ сидя на лошади, имѣетъ укромное мѣсто, куда класть щипаной хмель, и съ онымъ съ мѣста на мѣсто переѣзжать.

Другїй родъ прозябаемыхъ, за которыми хотя не изъ дальныхъ мѣстъ, однако нарочно приѣзжаютъ, составляла черемуха[a]. Ее такое множество по небольшимъ Уральскимъ рѣчкамъ, что въ короткое время можно набрать цѣлые возы. Сїе только сожалѣтельно, что для своего плода совершенно должна изтребиться мать; ибо сбирать ягоды и подмащиваться на дерево крестьянамъ кажется дѣло мѣшкатное: и такъ безъ дальныхъ околичностей подрубаютъ черемуху подъ корень. Въ семъ бѣдномъ состоянїи щастливо дерево еще тѣмъ, что оно имѣетъ плодъ вяжущїй ротъ: иначе давно бы (С. 266) оно должно было проститься съ Ураломъ, а особливо естьли бы Башкирцы до него были охотники...

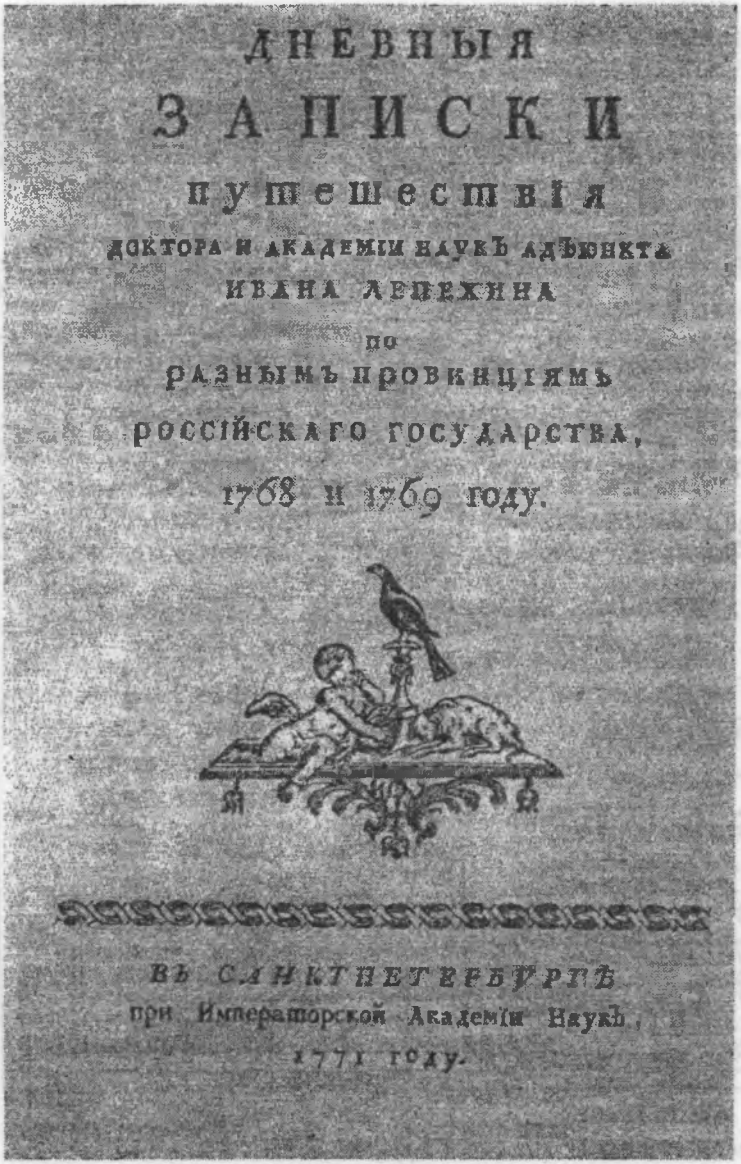
---

[a] Prunus Padus

(С. 267) ...Говоря о щегольствѣ, при семъ, случаѣ скажу и о Башкирскихъ щеголяхъ. Молодые Башкирцы, непривыкшїе еще имѣть мохнатое рыло, и будучи отдалены отъ сообщества голобородыхъ, смѣшное къ бритью бороды употребляютъ средство. Они натираютъ себѣ бороду каленою золою, и ссучивъ круто нитку, съ отмѣннымъ проворствомъ и искуствомъ вкручиваютъ волоса по два и вырываютъ. Зола, по ихъ примѣчанїю, слабитъ кожу и утоляетъ ту боль какая отъ щипанїя волосовъ произойти должна: и такъ кому извѣстна пословица *брить ниткою,* теперь знаетъ ея начало...



из книги: Фрадкин Н.Г. Академик И.И. Лепехин и его путешествия по России в 1768-1773 гг. - М., 1953. - С. 208.;



ДНЕВНЫЯ
ЗАПИСКИ
ПУТЕШЕСТВІЯ
ДОКТОРА И АКАДЕМІИ НАУКЪ АДЪЮНКТА
ИВАНА ЛЕПЕХИНА
ПО
РАЗНЫМЪ ПРОВИНЦІЯМЪ
РОССІЙСКАГО ГОСУДАРСТВА,
1768 И 1769 ГОДУ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
при Императорской Академіи Наукъ,
1771 году.

Титульный лист путевого дневника И.И. Лепехина, изданного в 1771 г.

КЪ БЛАГОСКЛОННОМУ ЧИТАТЕЛЮ.

Здѣсь на любопытство ваше предлагаются дневныя мои записки. Въ оныхъ старался я изобразить все, что по моему мнѣнію примѣчанія достойнымъ казалося, и тѣмъ соотвѣтствовать приказаніямъ разныхъ правительствъ, наблюдая при томъ и главной предмѣтъ нашего путешествія. Обширное пространство и предписанное на оное время произвело такой порядокъ писанія, какой вы нынѣ увидите. Извинять оной за излишнее почитаю дѣло: ибо мнѣ въ моихъ запискахъ надлежало дать отчетъ за каждой день. Въ прочемъ вы судите, какъ хотите; только прошу припомнить изреченіе стихотворца:

Qui iſta legis, tuam reprehendo, ſi mea laudas omnia, Stultitiam, ſin nihil, invidiam. *

* *«Если все будете в моей книге бранить, то покажете свою злобу, а если все будете хвалить, то покажете свою глупость».*

Из предисловия к «Дневным запискам путешествия доктора и академии наук адъюнкта Ивана Лепехина»

Рис. 1.

Как лазят башкирцы в борти и сохраняют оныя от медведей

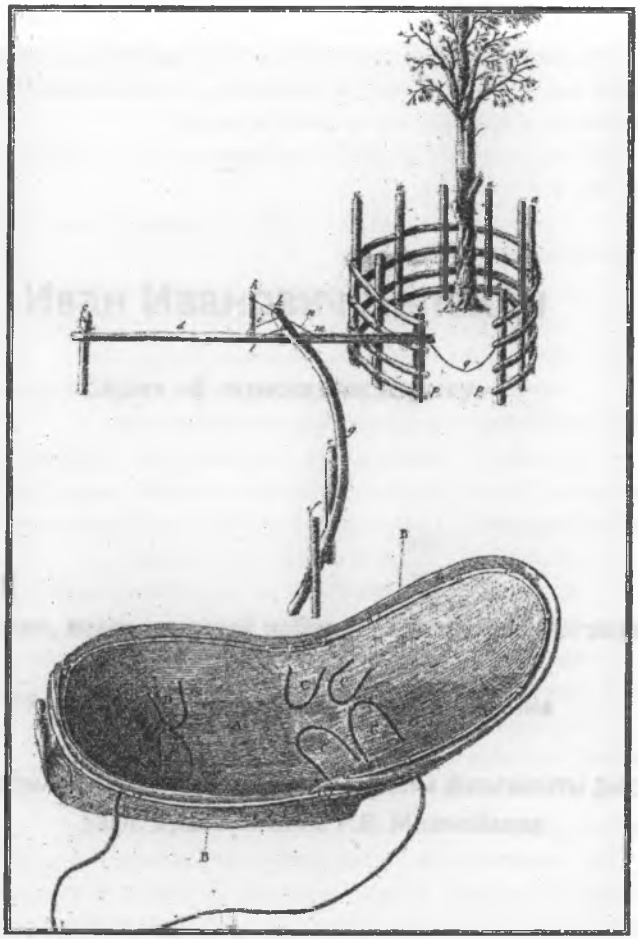
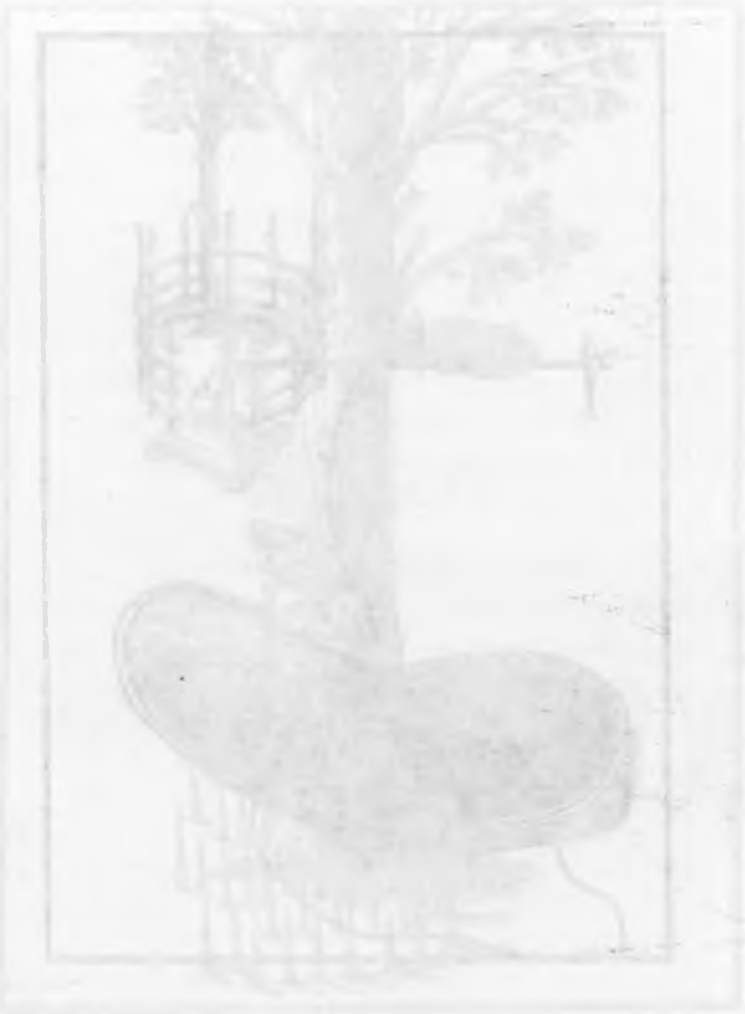


Рис. 2. **Рис. 3.**

Ловушка – кыза Люлька из березовой коры



Иван Иванович Лепехин

Серия «В помощь историку»

Составление, компьютерный набор и верстка: Э.В. Мигранова
Редактор: В.С. Барыкина
Разработка и дизайн обложки: Т.К. Сурина

В оформлениии обложки использованы фрагменты рисунка
засл. художника РБ Р.Я. Миннебаева

Подписано в печать 09.11.07.
Формат 60x84/16. Гарнитура «Таймс».
Бумага офсетная. Усл. п. л. 4,19.
Тираж 300 экз. Заказ №07-52.

Отпечатано на ризографе с готового оригинал-макета.
ИП Поляковский Ю.И.
450058, г. Уфа, пр. Октября, 45-19.
Тел.: (347) 223-29-07. e-mail: maxles@yandex.ru

ООО «Деловая династия»

Обращается к Вам, деловым и преуспевающим в этой жизни людям, а также к тем, кто чтит семейные ценности и помнит своих предков, думает о настоящем и будущем своих детей и внуков.

Мы предлагаем Вам обширный перечень услуг, некоторые из которых могут Вас заинтересовать:

- восстановление родословной и создание генеалогического древа (на архивном материале);
- составление и выдача генеалогической грамоты;
- создание или восстановление родового герба, тамги, символики;
- изготовление семейного, родового календаря;
- литературная обработка и издание семейных хроник и автобиографических произведений, воспоминаний;
- чтение и перевод на современную графику родословных, документов, писем и других семейных реликвий, написанных на арабской, латинской графиках, а также древнерусских, старославянских текстов;
- реставрация старых семейных фотографий;
- перевод старых семейных кино-, фото-, видео- и музыкальных архивов на более прогрессивные носители;
- обучение детей и взрослых башкирскому и другим языкам, в том числе и иностранным (европейским, восточным) по интенсивной методике;
- оказание помощи в проведении традиционной свадьбы и других семейных торжеств народов Башкортостана.

Многое из выше перечисленного может стать оригинальным и желанным подарком для Ваших друзей и близких.

Мы также уверены, что каждому преуспевающему в этой жизни было бы приятно показать гостям висящую на стене, в красивой рамке под стеклом каллиграфически написанную родословную, увенчанную семейным гербом или родовой тамгой. Помните, родословные, гербы, родовые тамги - это не только семейные реликвии, повышающие статус человека, но и ценные исторические документы, которые могут сыграть важную роль в утверждении права на наследование.

По всем возникшим у Вас вопросам, а также заказу звоните по следующим телефонам: г. Уфа, пр. Октября, 71, Институт истории, языка и литературы: (347) 235-60-50, 235-46-29, 273-03-87, 235-60-77.

Гос. рег. серия 02 № 005318101, выд. 25.01.06. ИФНС России по Окт. р-ну г. Уфы.